

Ахметова Дина

Фатих Амирхан в фотографиях

Фотографическая история писателя и общественного деятеля Фатиха Амирхана известна мало. Яркая и неординарная личность, блестящий писатель во многом остался в тени своего великого друга Габдуллы Тукая, с которым был рожден в один год. В основном тиражируются несколько хрестоматийных портретов, специально созданных в популяризаторских, издательских целях, а также фотографии из семейного архива историка Равиля Амирханова. Между тем, визуальное наследие Ф. Амирхана гораздо обширнее, разнообразнее и несет в себе отпечаток его замечательного человеческого обаяния.

Ф. Амирхан, происходивший из старинного татарского рода, большинство представителей которого были людьми духовного звания, с энтузиазмом принял те общественные изменения, которые несла в себе эпоха обновления национальной культуры татар. Активная позиция молодого писателя способствовала утверждению светских реалистических начал в искусстве, а также обновлению общественной жизни. Между крайними фотографиями Амирхана пролегал жизненный период в 22 года. Самые ранние фотографии относятся к 1904 г., когда Фатиху было 18 лет. Последние – запечатлели его похороны.

Род Амирхановых происходит от татарских мурз Казанского ханства и зна-

менит династией выдающихся мусульманских священнослужителей.

Дед будущего писателя – имам мечети «Иске-Таш» в Казани Хусаин Амирхан (ок. 1815 – 1893) – в числе первых национальных историков обратил пристальное внимание на историю Среднего Поволжья феодального периода. Его произведения «Таварихы Болгария» («История Булгарии», Казань, 1883) и «Нуджум ат-Таварих» («Звезда историй», Петербург, 1884) имели большой успех у тюрко-мусульманской читательской аудитории конца XIX – начала XX в.

Отец Ф. Амирхана – Мухаммед-Зариф Амирханов (1852–1921) – богослов, историк, автор трудов по истории тюркских народов и мусульманскому богословию, имам шестой казанской мечети, мударрис медресе Амирханийя. Медресе являлось одним из передовых джадидского толка (т.е. новометодных). Оно действовало при мечети Иске-Таш. Помимо Зарифа Амирханова, преподавателем этого медресе в конце XIX века был выдающийся татарский писатель и общественный деятель Гаяз Исхаки. Мухаммед-Зариф Амирханов был признанным лидером среди населения не только своей махалли (прихода), самой крупной в Казани (она насчитывала 1260 душ мужского пола), но и всей Старо-Татарской слободы. Неслучайно медресе названо его именем.

В семье Мухаммед-Зарифа Амирханова всегда особо чтились традиции, а дети воспитывались строго в соответствии с требованиями религии.

Как писал Ф. Амирхан, «в то время фотографирование и хранение дома снимков считались одним из тяжких грехов» (цит. по: Нуруллин И. Прометей из новотатарской слободы. Казань: Татарское книжное издательство, 1991. С. 13). Тем не менее мы знаем, как выглядели родители Фатиха Амирхана. Так, отец Мухамед-Зариф хазрат Амирхани, при жизни никогда не позволявший себе фотографироваться, остался запечатлен на фотографии с похорон Г. Тукая, рядом с Г. Баруди (на Юнусовской площади) (**фото 1**). Известно, что отец Ф. Амирхана прочитал поминальную молитву на кладбище, кроме того, возможно, он запечатлен среди коленопреклоненных мулл на кладбище при захоронении поэта. Нельзя не заметить схожесть облика Фатиха с отцом.

Мать – Бибирабига абыстай – осталась на семейном портрете 1906 г. со своими детьми – дочерью Сагадат, сыновьями Ибрагимом и Фатихом, а также внучкой Рамзией (**фото 6**), которая и оставила описание Бибирабиги абыстай: «Небольшого роста, худощавая, очень подвижная, с длинными, черными волосами, она была смышленным и незаурядным человеком. Одевалась

опрятно и любила наряжаться. Хорошо помню, как, собираясь в гости, она стояла перед зеркалом и подводила глаза сурьмой» (цит. по: Нуруллин И. Прометей из новотатарской слободы. С. 14). На семейном портрете изображена респектабельная зажиточная татарская семья в типичной для татар рубежа веков одежде – сыновья в камзолах и каляпушах, мать с дочерью в платьях, близких национальным, с калфаками на голове. Тем не менее Фатих одет более по-светски, чем его близкие, – в белой рубашке, жилете и галстуке. Отец, как уже упоминалось, не считал возможным для себя фотографироваться, однако домочадцам не мешал. Семейная фотография была сделана в известной «Фотография Rembrandt», находившейся на Воскресенской улице (дом Эккерман). Одна из лучших фотографий города была основана в 1897 г. и действовала при Советской власти до второй половины 1920-х годов (владелец – Зимсон Александр Христофорович). Дом Эккермана находился на месте нового здания Прокуратуры рядом с домом № 12 – Верховным судом Татарстана на ул. Кремлевской. Здесь также работал знаменитый юрист начала века А.Ф. Кони.

По обычаю того времени жена муллы обязана была давать начальное образование девочкам махаллы. К этой деятельности Бибирабигу, вероятно,

подготовил сам Зариф мулла. Учебное заведение Рабиги устазбике приобрело довольно широкую известность и постоянно расширялось. Сама же она написала даже брошюру-пособие по освещению вопросов религии для детей «Спасение юных душ» (1910).

Фатих Амирхан появился на свет 1 января 1886 г. в Новотатарской слободе в теперь уже не существующем доме по адресу М. Гафури, 35 (**фото 3**).

Проучившись два года в приходском медресе, Фатих в 1895 г. по настоянию отца переходит на учебу в медресе «Мухаммадия» – крупнейшее новометодное училище Казани, которым руководил друг М.-З. Амирханова, выдающийся религиозный деятель и педагог Г. Баруди. Здесь Фатих провел десять лет, определившие его дальнейшую судьбу. Здесь он получил блестящее богословское образование, прекрасные знания по истории и литературе Востока и некоторых светских наук, первые навыки письменного русского языка (**фото 4**).

В своей «Автобиографии» Ф. Амирхан живо и с юмором описывал свое раннее детство, в котором он спасался от невзлюбивших его с первой встречи гусей, а активного непоседу мать часто сажала в тележку и привязывала к ней, пока доила корову. Он доводил до слез старшую сестру Сагадат и младшего Ибрагима. В три года будущий писатель

исписывал линиями поля дедушкиных книг, когда их от него убирали, рисовал волны на лице у младшего брата. А в целом, росший в атмосфере благожелательной семейной педагогики, стремления к знаниям, учебе, Фатих очень рано получает навыки образованности, любви к книгам, чтению, писательству.

Однако время рубежа веков коренным образом изменило восприятие Ф. Амирханом своей духовной стези, к которой его готовил отец. Об этом он писал в своей «Автобиографии», а также в письменной работе по русскому языку 1911 г. «Мое жизнеописание» (НА РТ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2225. Л. 64–66) для сдачи экзаменов экстерном по программе гимназического курса для получения аттестата зрелости. Эта работа менее известна, чем «Автобиография», написанная во многом в ироничном ключе. В «Жизнеописании» Амирхан, сын муллы, очень эмоционально показывает свое духовное развитие, опыт которого считал для себя негативным. Это тот отпечаток его жизни, который не попал в фотографическую историю, а остался, как это чаще всего и было раньше у татар, на бумаге, в словах. Уход от навязываемого им мировоззрения ярко проявился в фотографической визуализации его жизни, не свойственной традиционной, консервативной культуре.

В ранней юности для Фатиха открылась и романтическая сторона жизни, которую он так и не смог в полной мере прожить. Каждое лето Зариф-хазрат ездил с семьей в Чистополь на пароходе к младшему брату Наджипу-мулле, который также возглавлял местный приход и медресе. Наджип-мулла был зятем и наследником хорошо известного в те времена ишана Закира Камалова. От младшей жены ишан, к тому времени скончавшийся, имел сына и девять дочерей. Среди них подрастала и Шамсениса – ровесница Фатиха, его будущая любовь.

Правда, любознательный подросток в основном пока интересовался общественными вопросами, активно начал проявлять интерес к русской и европейской культуре. Будучи по характеру лидером, инициативным человеком, Фатих сплотил вокруг себя группу шакирдов и в 1901 г. вместе со своими друзьями (Ризван Алушев и др.) организовал тайный кружок «Иттихад» («Единение»), ставивший своей целью коренное реформирование медресе, улучшение материальных и бытовых условий учащихся. Шакирды медресе «Мухаммадия» в 1903 г., в отсутствие своего наставника Г. Баруди, впервые поставили спектакль на татарском языке в Татарской учительской школе. В спектакле «Несчастный юноша» одну из главных ролей

– Закира – сыграл Ибрагим Амирханов. Фатих, как инициатор и руководитель замысла, возможно, режиссировал постановку, делая поправки в тексте пьесы и суфлерствуя во время спектакля.

В 1902–1904 гг. Ф. Амирхан стал заметной фигурой и вне стен медресе. Он был принят в известных семьях Казани, общался со студентами и гимназистами, курсистками и гимназистками и учащимися других учебных заведений. С уважением принимали его в доме прогрессивно настроенного купца Сулеймана Аитова. Сын Аитова Исмагил, учившийся в том же медресе «Мухаммадия», был закадычным другом Амирхана. Да и Зариф хазрат дружил с Сулейманом Аитовым.

Другом по медресе был и Вафа Бахтияров, будущий соратник по газете «Аль-Ислах» (**фото 15**), в круг его друзей входили и наследники других известных татарских родов – Вали Апанаев (в будущем известный музыкант, скрипач), Гали Ахмадуллин (один из двух братьев – основателей издательства «Сабах») (**фото 16**).

Надо признать, мало кто мог называться близким другом Фатиха из-за его независимого и ироничного характера. Одни из немногих – Ризван Ибрагимов (Алуши) и Исмагил Аитов. Ризван Ибрагимов безоговорочно принял авторитет одноклассника. Высоченный, но очень скромный парень, впоследствии ста-

нет учителем и на всю жизнь сохранит дружескую связь с Фатихом: они будут переписываться, встречаться, Ризван познакомит Фатиха со своей женой Фарханой. Алуши прислал ему в 1906 г. свою фотографию, где был запечатлен с молодой женой Фарханой Ибрагимовой (Ризван Алушига. 1906 ел, 9 декабрь, Мәскәү // Ф. Әмирхан. Сайланма әсәрләр: 4 т. Казан, 1986. 4. т. Б. 235). «То, что ты разрешил мне посмотреть на снимок Фарханы, говорит о твоей спокойной природе», – заметил Фатих Амирхан. В те годы татарская женщина еще была затворницей. В обычное время скрывавшаяся в своей половине женщина в любом случае представляла на совместном фотоснимке с мужем перед посторонними.

Исмагил Аитов оставил о своем друге «Воспоминания из моих школьных лет» (Аитов И. Воспоминания из моих школьных лет // Совет әдәбияты. 1961. № 1). Главное, что осталось в памяти: «Фатых абзы был молодой человек, полный жизни, энергии, нетерпения и порывов... Я его представляю шагающим порывисто, стремительно, настолько быстро, что развевались полы его пальто...». Молодые люди часто фотографировались вместе, дружба не прекращалась всю жизнь (**фото 8, 9**).

В тот период Фатих Амирхан подумывал об уходе из медресе и продолжении

образования в Татарской учительской школе, а недостаток знаний, особенно в русском языке, пытался компенсировать частными уроками. Так у него появился репетитор – известный казанский социал-демократ С.Н. Гассар. Частое общение с ним и Х. Ямашевым спровоцировало острый интерес Ф. Амирхана к политической деятельности.

Фатих стремился изменить не только внутренний мир шакирдов, но внешний их облик. Казанские шакирды носили длинные до пят, с глухим воротником казакины. Амирхан же смело надевает тужурку, по длине достигающую до колен. К 1903 г. он начинает носить костюм, приобретает белый воротник и манжеты, галстук, бант, штиблеты для посещения светских мероприятий. Модная европейская одежда призвана была подчеркнуть приверженность ее хозяина прогрессу и продемонстрировать его светскость. Так, Ф. Амирхан, конечно иронично, но очень точно писал о своем брате Ибрагиме, что он «каждый день меняет галстуки, чтобы показать свою прогрессивность» (Әмирхан Ф. Әсәрләр: 4 томда. 4 т. Б. 244).

Через какое-то время на носу Амирхана появляется пенсне, полностью завершая его так знакомый большинству образ. Кто-то из современников считал, что он носил пенсне на здоровых глазах (придавая себе более интеллектуаль-

ный вид?), однако большой любитель чтения вполне мог испортить свое зрение. Облик татарского денди иногда дополняла трость. Таким он и выглядит на своей самой ранней известной фотографии 1904 г., сделанной в Самаре. Летом 1904 г. Фатих с братом два месяца жили в Самаре, изучая там русский язык. Самарское фото с друзьями и с младшим братом было сделано Михаилом Фердманом – владельцем фотоателье и кирпичного завода в Самаре (**фото 2**). Таким же Фатих запечатлен еще на одной фотографии 1904 г., молодым модным юношей в амплуа героя «немного» кино (**фото 5**).

В годы первой русской революции, когда слово «свобода» одинаково опьяняюще звучало на всех языках и толпы шакирдов «Мухаммадии» гордо носили на руках красные повязки, Фатих бросил медресе, с головой окунувшись в организацию всероссийского движения учащихся «Аль-Ислах» («Реформа»). Теперь как представитель татарской молодежи он участвует на всех политических съездах мусульман России, причем весьма критически относится к позиции «отцов нации» – представителям буржуазии и духовенства, придерживавшихся конституционно-демократических взглядов. В 1906–1907 гг. как один из руководителей комитета «Аль-Ислах» и шакирдского движения Ф. Амирхан

принял живейшее участие в работе двух нелегальных всероссийских съездов татарской учащейся молодежи (Казань), на которых по его инициативе были приняты важные решения общенационального характера, в том числе о создании официальной шакирдской газеты «Аль-Ислах».

Знаменательным событием в жизни будущего классика стало его участие в работе II Всероссийского съезда мусульман в С.-Петербурге (17–24 января 1906 г.), куда он как один из двух делегатов от казанских шакирдов был направлен для отстаивания интересов учащейся молодежи. Это историческое событие зафиксировано фотографом. На групповом снимке несколько десятков человек, среди них и муллы, еще совсем недавно не допускавшие даже мысли о фотографировании (**фото 10**). Среди делегатов съезда, запечатленных на фотографии – И. Гаспралы, Ф. Туктаров. Выступления Ф. Амирхана привлекли внимание организаторов съезда, в том числе Исмаила Гаспринского, который, кстати, нашел уместным пожурить молодого человека за его горячность и «излишний радикализм». Встреча с «отцом нации» запала в душу 20-летнего Фатиха. Позднее, на смерть просветителя Ф. Амирхан откликнулся трогательной статьей «Воспоминание о великом слуге нации» (1914).

Возможно, съезд мусульман отражен еще на одной фотографии, где есть юный Ф. Амирхан. В первом ряду – духовенство, среди стоящих во втором – И. Гаспринский (**фото 7**). Таких фотографий с лицами духовного звания в те времена становится все больше.

Общественные события, в которых Фатих принял активное участие, окончательно ухудшили отношения молодого «трибуна» с Мухамед-Зарифом хазретом, который очень тяжело переносил «социалистические» увлечения сына, его сомнительные связи и подчеркнуто светский образ жизни. Весной 1906 г. произошел окончательный разрыв, и Фатих Амирхан покинул родной дом.

«После окончания курса медресе отец желал, чтобы я был муллой; когда я отказался, он в свою очередь отказал мне от дома. Было нечто кошмарное: сам отец и мать после моего ухода заболели, а я бродил, как сумасшедший, не находя точки опоры в жизни. Но ни они, ни я не могли иначе поступить: каждый был прав по своему.

При таких обстоятельствах я начал самостоятельную жизнь. Отсутствие привычки к труду, незнание русского языка и мысль о порванной с родителями связи – все это сделало мое положение невыносимым: нервы расшатались, здоровье подорвалось, и я стал раздраженным, болезненным и озлобленным

против всего в жизни. Это обстоятельство и недостаток в материальном отношении не давали мне возможности заниматься, как следует, русским языком» (НА РТ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2225. Л. 64–66).

Некоторое время он жил на частных квартирах и в номерах (например, в доме в Собачьем переулке в русской семье), занимался репетиторством, продолжал участвовать в шакирдском движении, однако осенью 1906 г., опасаясь преследований полиции, уехал в Москву.

Дело в том, что в Санкт-Петербурге Фатих близко сошелся с внуком знаменитого шейха Шамиля – известным общественным деятелем Загитом Шамилем, который «подбросил» молодому человеку заманчивую идею: стать ответственным секретарем предполагаемого к изданию первого детского журнала на татарском языке – «Тәрбияи-этфаль» («Детское воспитание»). Поэтому в конце 1906 г. Ф. Амирхан перебрался в Москву и фактически под его руководством (все передовые статьи и основная часть материалов принадлежали ему) вышло пять номеров журнала, который оставил заметный след не только в жизни детворы, но и в истории всей татарской журналистики. В Москве он начал неплохо зарабатывать, много развлекался, значительно пополнил свой гардероб. Здесь для него началась блестящая светская жизнь. «В Москве познакомился со

многими семьями татарских и русских аристократов... Почти каждый вечер приходится бывать на вечерах, балах», писал Фатих 9 января 1907 г. Чередой шли балы, вечера, спектакли и концерты. Амирхан поглощал много впечатлений, получил большой общественный опыт.

Ближе к лету Фатих решил съездить в Казань, отдохнуть. Он наладил нормальные отношения с отцом. Но 15 августа 1907 г. на 21-летнего Фатиха неожиданно обрушилось несчастье: он внезапно заболел тяжелым недугом (паралич обеих ног, рук, ослеп один глаз) и до конца своей жизни остался прикованным к инвалидной коляске. В жаркий день, возвращаясь с купания, он прямо на улице почувствовал себя плохо, рядом был брат Ибрагим и Вафа Бахтияров. Отчего это случилось, так и осталось неизвестно. Долгое лечение не помогло, хотя руки начали двигаться, а глаз стал видеть. Но это бедствие не смогло «вышибить из седла» такого оптимиста, как Ф. Амирхан. «Он никогда не был нытиком, наоборот, утешал, воодушевлял других, когда те плакались, жалуясь на свою печальную судьбу», вспоминали его современники.

Семья сплотилась в заботе о Фатихе, отец заказал ему кресло-коляску, нанял подростка ему в помощь. Отдал в распоряжение ему лошадь и тарантас,

которые остались запечатленными на фото на прогулке по берегу озера Кабан (**фото 21**). Фатих никогда не фотографировался в инвалидном кресле, ему претила демонстрация его печальной участи. Он еще долго не мог успокоиться в надежде поправиться. Поздней осенью 1907 г. начинают действовать руки, через год Фатих все еще надеется, что будет ходить и только через два года понимает безуспешность лечения: судьба над ним не сжалась, пришлось учиться жить заново. В новой его жизни стало меньше внешних событий, но началась напряженная внутренняя работа, он, наконец, смог сосредоточиться на литературной, публицистической и издательской деятельности. Как писал Фатиху его друг Ризван Алуши 10 марта 1910 г.: «Хорошо, что из двухлетней борьбы с природой ты вышел победителем. Если бы ты сдался, не сбылись бы наши надежды и наши упования... А теперь ты будешь жить вечно» (цит. по: Нуруллин И. Прометей из новотатарской слободы. С. 131).

Именно тогда осуществилась давняя мечта Фатиха, уже 7 октября 1907 г. вышел в свет первый номер газеты «Аль-Ислах» – наверное, самое смелое и бескомпромиссное национальное издание того времени, где был опубликован его первый рассказ как писателя «Сон накануне праздника» (октябрь 1907), в кото-

ром автор с присущей ему эмоциональностью рассказывал о приснившемся ему национальном светском празднике, где царила межнациональная и социальная гармония. Позднее появилась знаменитая повесть «Фатхулла хазрет» (1909), в которой наряду с критикой духовенства была выведена художественная утопия о счастливой жизни татар, где было место и для культуры, и для технического прогресса, и для ислама. Конечно, некоторый радикализм литератора объяснялся его молодостью, желанием скорых и безоговорочных перемен и просто неопытностью.

Постепенно жизнь Ф. Амирхана наладилась. Теперь он живет один в комнате, в которой раньше жил с братом. Эта простая комната с минимумом мебели была сфотографирована в 1909 г. За столом в домашней обстановке Фатих выглядит очень просто, без модного костюма и пенсне, неизвестный фотограф запечатлел рабочий момент вне стен фотосалона (**фото 20**). Зафиксирован эпизод работы над пьесой «Молодежь». Впоследствии, желая быть ближе к зданию, в которой находилась редакция газеты «Кояш», он поселяется в номере гостиницы «Амур».

Отдельный блок амирхановских фотографий связан с личностью Габдуллы Тукая, приехавшим из Уральска. Они познакомились с ним в октябре 1907 г.

С этого времени начинается их личная дружба и творческое сотрудничество – в газете «Аль-Ислах», а после ее закрытия в 1909 г. – в журнале «Ялт-Йолт» и «Кояш». Ф. Амирхан оказал на молодого поэта, своего ровесника, огромное духовное влияние и существенную поддержку.

С газетой «Аль-Ислах» сотрудничали все татарские литераторы и интеллектуалы Казани того времени: кроме Фатиха Амирхана – Галиасгар Камал, Галимджан Ибрагимов, Сагит Рамиев, Кабир Бакир, Хусаин Ямашев и др. Вскоре в этот круг влился и Г. Тукай, печатавший в газете свои стихи. Официальным издателем был Вафа Бахтияров, друг Ф. Амирхана, однако фактическую работу по изданию вели Г. Тукай и Ф. Амирхан. Г. Тукай писал Г. Кариеву в Уральск в конце 1907 г.: «...По своей воле сотрудничаю с «Аль-Ислах». А жалованье получаю в другом месте» (Тукай Г. Әсәрләре. 4 т. Казан, 1955–1956. 4 т. Б. 209).

В этот период активной работы в газете «Аль-Ислах» Ф. Амирхан и Г. Тукай были сфотографированы с членами редколлегии в ателье С.И. Иванова. На фотографии 1907 г. (слева направо): редактор и издатель газеты Вафа Бахтияров, театральный критик Габделькабир Бакир, идейный руководитель Фатих Амирхан, сотрудник редакции Ибрагим Амирхан, Габдулла Тукай (**фото 11**).

По сравнению со свободными позами щеголеватых казанских литераторов как-то особенно заметно, что Г. Тукай выглядит довольно скованно. Снимок сделан Семеном Ивановичем Ивановым (начало XX века), владельцем фотографической студии, располагавшейся на углу улиц Лобачевского и бывшей Покровской в доме Пальчиковой (ныне ул. Карла Маркса, 32/12). Фотограф заказывал паспарту у Иосифа Николаевича Скамони в Санкт-Петербурге. Позднее, в годы репрессий, фотокопия печаталась деформированной, на ней были заретушированы портреты И. Амирханова и Кабира Бакира. Оба были репрессированы, а фотокопия приобрела совершенно новую композицию (**фото 12**).

Также С. Ивановым были сделаны индивидуальные портреты Ф. Амирхана и Г. Тукай. Поэт получил фотографию, которая стала его хрестоматийным образом: в тюбетейке, белой сорочке, галстук, черном пиджаке, созданный по настоянию издателя Бургана Шарафа для печатных изданий. Респектабельный образ ранее в том же 1908 г. был создан С. Ивановым и для Ф. Амирхана, который также в тот период начал активно печататься. Известны два снимка, сделанных с сидящего в кресле Ф. Амирхана. Они созданы, вероятно, в тот же сеанс, когда и редакция газеты «Аль-Ислах». Амирхан точно также одет, виден одинако-

вый фон на индивидуальных и групповых фотографиях, а также аналогичный ковер на столике. Один из снимков показывает писателя за столом, размышляющим над рукописью, задумчивый взгляд Амирхана устремлен куда-то за границы фотографии (**фото 13**). Второй снимок сделан под несомненным влиянием известной фотографии А.П. Чехова, опирающегося на руку, только композиция дана в зеркальном отражении (**фото 14**). Думается, что и пенсне Фатих Амирхан носил не случайно... Литературоведы часто обращают внимание на чеховское влияние в творчестве Амирхана, без сомнения, молодой писатель (а ведь ему всего 22 года) мог подражать любимому писателю и внешне, повторяя в каких-то деталях его образ.

Фатих Амирхан часто обменивался фотографиями с друзьями, о чем свидетельствуют дарственные надписи на них. И друзья дарили ему свои портреты. Так, Г. Тукай подарил Амирхану фотооткрытку 1910–1911 гг., где он был снят в пиджаке и галстук, без головного убора, благодаря чему видны его достаточно длинные волосы, зачесанные назад. Даря ее Ф. Амирхану, он написал: «Фатих! Получай давно обещанное фото без головного убора (на память). Г. Тукаев. 1911 год. 15 февраля» (фото, ЦПиМН). Достаточно представительный облик в пиджаке и галстук, окажется домини-

рующим в индивидуальных фотографиях Тукая в последние годы, несомненно под влиянием Ф. Амирхана. Тукай писал о своем друге: «По едкости и глубине своего юмора Амирхан – наш Гоголь, по красоте стиля – Тургенев, как психолог – он похож на Достоевского» (цит. по: Аги Ф. Амирхан // Литературная энциклопедия: в 11 т. [М.], 1929–1939. Т. 1. [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1930. Стб. 111–112).

Примерно в 1912 г. друзья снялись в групповой фотографии, которая сохранилась фрагментарно. Она также представляет собой трагический образец эпохи репрессий. От когда-то многофигурного снимка осталась только центральная часть, на которой запечатлены четыре человека – Г. Тукай и Ф. Амирхан, а также Гафур и Каюм Кулахметовы. Кто еще находился на снимке, можно только предполагать, почти наверняка – брат Ибрагим Амирханов и близкий друг Вафа Бахтияров. Фотография неровно обрезана с двух сторон и представляет собой узкую полоску с фрагментом паспарту внизу (вероятно авторство казанского фотографа И.М. Якобсона) (**фото 25**).

Известен также парный портрет Г. Тукая и Ф. Амирхана работы И.М. Якобсона (**фото 24**). Авторство фотографии И.Я. Якобсона подтверждается сохранившимся на одной из фотокопий паспарту (Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Ф. 16. Оп. 2. Ед. хр. 60). Дело в том, что за несколько месяцев до кончины Тукай был запечатлен одним из лучших фотографов Казани начала XX века – Иосифом Меерови-

«Художественная фотография» Иосифа Мееровича Якобсона на Воскресенской улице в доме Алкина (ныне ул. Кремлевская, 23/17) была очень успешной. С 1906 г. ею управляли братья Якобсоны. Мозес Меерович Якобсон приобрел фотографическое заведение у Г. Финкельштейна, а через год передал ее своему брату – Иосифу Мееровичу. Само фотографическое заведение было знакомо казанцам с 1864 г. Оно неоднократно меняло название («Фотографический институт», «Фотография Г.Ф. Локке», «Художественная фотография») и владельцев (Г.Ф. Локке, В.А. Гисси, А.А. Соколов, В.Г. Трюмпер, А.Ф. Беляев, Г. Финкельштейн, М.М. Якобсон, И.М. Якобсон). Кроме фотографий И.М. Якобсон занимался выпуском почтовых карточек, так в 1909 г. на Научно-промышленной выставке получил за свои снимки золотую медаль.

И. Якобсона можно назвать фотобиографом, запечатлевшим облик Г. Тукая в последние два года его жизни, создав целую серию портретов поэта. В 1912 г. И. Якобсон снял одни из лучших фотографий Г. Тукая, разошедшихся также и на открытках (в том числе под шапкой издательств, сотрудничавших с Г. Тукаем). В апреле 1913 г. фотограф сделал снимки в последний день жизни поэта, а также на смертном ложе и посмертную гипсовую маску. На почтовой карточке им были напечатаны похороны Г. Тукая. Авторству И. Якобсона принадлежит и один из лучших, выразительных портретов Фатиха Амирхана 1912 г., а также парный снимок Г. Тукая и Ф. Амирхана.

чем Якобсоном. Эти фотопортреты можно считать наиболее значительными в художественном плане в иконографии Габдуллы Тукая.

Не менее удачным стал и портрет Ф. Амирхана, снятый в тот же день (**фото 23**). Это была своего рода парная «фотосессия» двух выдающихся литераторов. Два портрета Г. Тукая крупным планом – анфас и в три четверти (по информации траурного выпуска журнала «Анг» за 1913 г. они были сняты 26 июля 1912 г.) – и один портрет Ф. Амирхана – анфас (с автографом писателя, указывающим на ту же дату съемки – 26 июля 1912 г.). Тогда же был создан парный портрет Амирхана и Тукая. Вся серия неоднократно издавалась в виде открыток, поэтому можно предположить, что и создавалась она с целевым назначением для рекламы и издательств.

Большим ударом стала для Амирхана смерть Тукая. Он не смог присутствовать на похоронах лично, однако там был его отец Зариф хазрат, на похороны поэта мы смотрим именно его глазами. Во дворе больницы в момент, когда траурная процессия двинулась в путь, делается фотография. Все отправляются пешком на Юнусовскую площадь для дженазы (специальная молитва, которая читается покойнику). Там уже ждет около пяти тысяч людей, среди которых были все имамы Казани. Зариф хазрат

Амирхан читает дженазу. После этого табут (специальное приспособление, напоминающее и гроб, и носилки) несут на своих плечах имамы (**фото 1**). Этот момент тоже фотографируется. Тысячная толпа отправляется следом до Старотатарского кладбища. Тело Тукая предается земле. Это тоже было сфотографировано. Каждый стремился бросить горсть земли. Могила остается под горой цветов. Зариф хазрат произносит Табарак. После молитвы, по завещанию покойного, Касим хазрат читает стихотворение «Мое завещание». Несколько ближайших друзей Тукая произносят прощальные слова.

Ф. Амирхан печатает в тот же день статью о похоронах поэта: «Северные турки хоронят сегодня своего самого великого и любимого поэта. Писатели северных тюрок потеряли сегодня самого близкого народу своего товарища. Мы провожаем сегодня народного поэта Тукая».

Безвременная смерть поэта многое изменила в жизни Фатиха. Уходили друзья, уходила молодость, менялись окружающие его люди. История, свершавшаяся на глазах писателя, уже давала повод для первых обобщений, для переоценки непоколебимых, казалось бы, взглядов.

Надо отметить, что в фотографиях Ф. Амирхана почти не отразились общественные события, в них много его са-

мого, его брата, друзей, его повседневной жизни, это говорит о том, что многие фотографии были для него частью его личной жизни, не предназначенной для посторонних глаз. Тем не менее в фотографиях моделировалась и история писателя, как то было принято в писательской среде, в том числе и в России. За рабочим столом, на прогулке, с друзьями, представительские снимки в модной одежде, расхожие фотографии писателя в кресле, определенные стандарты портретов для печатных изданий и открыток – нельзя не признать в этом работы по продвижению своего творческого образа, говоря по-современному – PR. Недаром после революции вся эта «фотоистория» резко закончилась.

В эти же годы молодой человек пережил и еще одну драму – потерю надежды на отношения и женитьбу на Шамсенисе Камаловой. В 1908 г. Ф. Амирхан выехал на лечение в санаторий Серноводск, который находился в 70–80 км от Самары. Выбор этого места мог быть обусловлен тем, что в августе 1907 г. здесь отдыхала вдова Закира ишана с тремя дочерьми – Шамсенисой, Хатимой и Уммугульсум и сфотографировалась там. Они собирались приехать и в 1908 г. и, по всей видимости, приезжали.

17 июня 1908 г. Фатих прибыл на пристань в сопровождении Магсума, который ему прислуживал. Они снима-

ют комнату у местного крестьянина. Ф. Амирхан прожил здесь два месяца, помимо издательских передовиц, написал очерк «В мире больных», где со всей болью выразил несправедливость доставшейся ему участи. Хотя он никогда не жаловался вслух, а только отшучивался, всю боль отчаяния и страдания он излил на бумаге. В санаторий к нему приезжали его друг Ризван Алуши с женой Фарханой: на фотографии от 22 июля (Амирхан был очень аккуратен и подписывал все свои фотографии) они втроем сидя и лежа на пледе снялись в парке (**фото 17**). В этих трех молодых людях ничего не выдает их национальной принадлежности, они одеты в абсолютно светскую одежду – европейские костюмы и платья. У девушки распущены волосы. Заметна неловкая поза Ф. Амирхана с безжизненными ногами, но это, пожалуй, единственное изображение с таким беспомощным видом, больше таких неловкостей Амирхан не допускал. В одном из писем к Фархане Фатих Амирхан писал: «Я здесь пустил слух о том, влюбился в барышню Ш. Камалову (из Серноводска). Вся молодежь занята обсуждением этого события. Ты удивлена? Но влюбляться – обычай, доставшийся нам от пророка Юсуфа» (цит. по: Нуруллин И. Прометей из новотатарской слободы. С. 107). Скорее всего, сестры Камаловы были в санатории и чета Алуши успела с

ними познакомиться. Вполне возможно, что «фантазия» об отношениях Фатиха и Шамсенисы отразилась в рассказе «Дорогие минуты». Фатих влюбился. В архиве семьи Амирхановых сохранились портреты трех сестер Камаловых и их матери, сделанные в 1907 г. в Серноводске (**фото 18**) и самой Шамсенисы, сделанный в ателье А. Васильева в Самаре также в 1907 г. (**фото 19**).

В 1908 г. увлеченный изданием газеты «Аль-Ислах» Ф. Амирхан почти ничего не зарабатывал и решить проблему личной жизни не мог. Он пишет своему другу Исмагилу Аитову в октябре 1908 г., что часто посещает гостей под предлогом посещения литературных вечеров, в надежде встретить Ш.К. туташ (Шамсенису). А бросить работу в редакции он не мог, потому что каждодневная работа в ней стала смыслом его жизни, трудом и отдыхом одновременно. Постепенно он становится востребованным не только журналистом, публицистом, но и прозаиком, одним из самых высокооплачиваемых (кстати, как и Тукай). Все возрастающая популярность и материальная независимость приводят его к мысли об устройстве личной жизни. Мысль о женитьбе на Шамсенисе он долго обдумывал. Его двоюродная сестра Зейнаб Амирханова вспоминала, что он упоминал о Шамсенисе постоянно, которая была младшей сестрой ее матери, и го-

ворил о том, что если он и жениться на ком-то, то только на ней. Судя по всему, Фатих Амирхан сумел объясниться с ней и встретил ответное чувство. Издатель Бурган Шараф писал в ответном письме Ф. Амирхану: «Я очень рад за тебя, жму руки, целую, желаю взаимной любви... Если у тебя есть возможность сообщить твоей любимой, то передай, что я от всей души уважаю ее за тебя» (цит. по: Нуруллин И. Прометей из новотатарской слободы. С. 134). Однако Шамсениса, кстати сама имеющая с рождения слабое сердце, отказала Ф. Амирхану, возможно, по настоянию семьи. Больше Фатих не предпринимал попыток жениться, оставшись на всю жизнь один. А Шамсениса действительно прожила не очень долгую жизнь, умерла в 1930 г. в 44 года. Тем не менее она вышла замуж за одного из рода купцов Акчуриных. Была ли она счастлива?..

Всю жизнь Фатих Амирхан был близок со своим младшим братом Ибрагимом, и первые амирхановские фотографии были именно с братом. Ибрагим родился в 1889 г., но небольшая разница в возрасте не помешала им расти и учиться вместе. Осенью 1895 г. оба поступили в медресе «Мухаммадия» (**фото 4**). Летом 1904 г. Ибрагим и Фатих учились на курсах русского языка в Самаре. Позже Ибрагим принимал участие в издании газеты «Аль-Ислах».

На известном редакционном снимке с Г. Тукаем есть и Ибрагим. Он же активно участвовал в первой театральной постановке «Несчастный юноша» 1903 г. в медресе «Мухаммадия», сыграв главную роль Закира.

В 1905 г. Ибрагим Амирханов входил в состав комитета шакирдов «Аль-Ислах». Во время революционных событий в октябре 1905 г. народ разоружает казанскую полицию. Начинается создание народной милиции. Несколько дней власть в Казани находится в ее руках. В организации и работе народной милиции участвует и Ибрагим Амирханов. Но вскоре группа шакирдов, в том числе и Ибрагим, была арестована Казанским жандармским управлением. На другой день Ибрагима освободили по ходатайству отца. В 1906 г. Ибрагим Амирханов вместе с группой революционно мыслящих шакирдов покинул медресе. Более активный политически Ибрагим уступал старшему брату в силе характера и способностях. Фатих Амирхан характеризует своего брата Ибрагима в молодости как беспечного, с неустойчивыми взглядами на жизнь, «очень плохо влияют на него Апанаев и ему подобные» (запись от 17 апреля 1908 г.) (цит. по: Нуруллин И. Прометей из новотатарской слободы. С. 113).

И родители, и Фатих переживают за Ибрагима. В конце концов родители

решают отправить Ибрагима подальше, в Бейрут, учиться. Таким образом, в сентябре 1908 г. Ибрагим оказался в г. Бейруте в американском колледже «Сирийский протестантский колледж», основанном в 1866 г. В нем преподавали многие науки: медицину, бизнес, сельское хозяйство, строительство, архитектуру и другие. Здесь Ибрагим учится до 1914 г. (Багаутдинов Ф.Н. Младший брат Фатиха Амирхана // Научный Татарстан. 2013. № 1. С. 88). Учащийся бейрутского колледжа, он прислал родным фотокарточку (1911), где выглядит настоящим мусульманином с арабского Востока (**фото 22**). Фатих Амирхан оказал серьезное влияние на Ибрагима, приложил немало сил, чтобы брат из легкомысленного и беспечного юноши стал серьезным человеком. После возвращения в Казань Ибрагим работает учителем в татарской школе.

Также Фатих переживал и за своего друга Исмагила Аитова, поддерживая его в уходе от выпивок, за что самого Амирхана активно осуждали в редакции газеты. В поисках моральной поддержки Ф. Амирхан пытался даже написать письмо Л. Толстому, сохранился его черновик письма писателю, неизвестно только, отправил ли он само письмо.

В 1912 г. Ф. Амирхан начал сотрудничать в газете «Кояш» («Солнце»), издаваемой купцами братьями Каримовыми.

И дело здесь не столько в том, что бывший бунтарь оказался в одном стане со своими извечными оппонентами, сколько в заметной смене идеологических ориентиров. По-прежнему сохраняя замечательное критическое, сатирическое мастерство, Ф. Амирхан старается более взвешенно подходить к оценке людей и событий.

Начало 1910-х гг. стало для Ф. Амирхана не только временем творческого подъема, но и больших печалей, в 1911 г. умирает его сестра Сагадат, в 1913 г. уходит из жизни Г. Тукай – один из ближайших друзей.

Творчество спасало. В этот период огромную популярность писателю принесли произведения, посвященные духовным исканиям татарской мусульманской молодежи в тревожное время национального и революционного движения. В повести «Хаят» (1911), романе «На перепутье» (1912), драме «Неравные» (1914) и других, написанных в большинстве своем на основе личных впечатлений и жизненных фактов, он раскрыл современникам мятущийся, размышляющий и сомневающийся мир молодых людей, не готовых, да и не способных во имя даже самой заманчивой мечты навсегда порвать со своим народом, устоями, традициями и верой.

Сохранились уникальные фотографии со сценографией спектакля «Не-

равные» в постановке труппы «Сайяр» (**фото 31–33**). Премьера состоялась 9 февраля 1915 г. в Новом клубе (нынешний театр им. К. Тинчурина). Рукию играла Ф. Ильская, Салиму – Г. Болгарская, писателя Сулеймана – К. Тинчурин, Закира – Н. Сакаев и др. Успех спектакля был ошеломительным, во многом благодаря популярности самого писателя. Пьеса была написана в духе драматургии А.П. Чехова и не изобиловала эффектными сценами. Простыми и реалистичными, по-бытовому дотошными, были декорации к спектаклю, созданные первым татарским художником Сабитом Яхшибаевым. Интерьер воспроизводил типичную обстановку в доме средней зажиточной семьи, а также сад около дома. Интересна такая деталь – выбеленное лицо с очень ярким гримом у актеров татарского театра.

Сценическая жизнь пьесы оказалась недолгой, к середине 1920-х гг. она сошла со сцены. В татарском театре была поставлена и более ранняя пьеса Ф. Амирхана «Молодежь». Спектакли не были частыми – «Молодежь» в 1915–1916 гг. прошел в Казани 4 раза, «Неравные» – 7 раз.

В 1915–1917 гг. интенсивной была журналистская и литературная деятельность Ф. Амирхана. Разнообразнее по подаче становятся фотографии – официальные и личные. В первую оче-

редь, обращают на себя внимание снимки на бланке открытого письма, это, конечно же, печаталось для продажи. Реклама на обороте гласит «Издание Художественной Фотографии «Рембрандт». Казань. Воскресенская ул. Телефонъ № 10-84». Владелец – Зимсон Александр Христофорович – держал ателье в доме Эккермана. Перед нами совершенно блестящий образец в высшей степени респектабельной фотографии (1915). Можно было бы сказать словами поэта – «как денди лондонский одет». Ф. Амирхан великолепно одет в дорогой костюм, котелок, ботинки, в руках – трость. На заднем плане – настоящий живописный фон, изображающий роскошный парк с прудом (**фото 26**). Писатель выглядел бы абсолютно преуспевающим, успешным и счастливым, если бы не одно «но» – знание зрителя о его тяжелом физическом недуге. Но Фатих Амирхан заставляет нас только восхищаться его блестящим видом, забыв о несчастье. Двойное величие демонстрируют братья Амирханы на парном снимке того же ателье, в той же студии. Ибрагим Амирхан одет с парижским шиком, а вместе они составляют замечательный, почти литературный или театральный дуэт, потому что шика в гардеробе братьев несколько больше для повседневной жизни (если бы герои детективов Агаты Кристи появились на несколько лет раньше, то братьев можно было бы определить как Эркюль Пуаро и капитан Гастингс) (**фото 27**).

Еще одна фотография датируется 1915 г., это открытка с погрудным изображением Ф. Амирхан в европейском костюме и национальном каляпуше (**фото 28**). Собственно, похожий портрет в образе татарского национального писателя был сделан в 1908 и 1912 гг. и для Г. Тукая.

Якшибаев (Яхшибаев) Сабит Габдельбасырович (1890, д. Суяргулово Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии – 14.7.1930, Уфа), сценограф. В 1912 г. учился в Казанской художественной школе. Работал на Авзяно-Петровском заводе и золотых приисках, с 1912 – в театральной труппе «Сайяр», в годы Гражданской войны – в труппах красноармейских театров, с 1920 г. – в Башкирском государственном театре драмы (Уфа). Театральным работам Якшибаева было свойственно преобладание фронтальной планировки с использованием предметов и аксессуаров национального быта. С его приходом в труппу «Сайяр» художественное оформление спектаклей стало соответствовать режиссерскому замыслу: «Банкрот» и «Тайны нашего города» Г. Камала (оба – 1912), «Неравные» Ф. Амирхана (1915) и др. Автор живописных портретов С. Гиззатуллиной-Волжской, Г. Камала, Г. Хайруллина и Г. Кариева (1914), возможно, Г. Тукая и Ф. Амирхана (1912), жанровых композиций и портретов в стиле народного примитива: «Деревня», «Изба», «Крестьянин-татарин», «Татарин» (1920-е гг.). Участник выставок с 1912 г.

Совершенно другим предстает Ф. Амирхан в фотографии 1913 г. на берегу озера Кабан. Сидящего в лодке Фатиха трудно узнать из-за простой одежды, кепки, сапог. Однако ассоциация с известной астраханской фотографией Г. Тукая в бутафорской лодке ясно показывает естественный характер происходящего, это дружеская прогулка Ф. Амирхана с друзьями – Кабиром Бакиром, семейной парой Исмагилом Аитовым и его женой Раузой (**фото 30**), на другой фотографии – без Кабира Бакира (**фото 29**). Все они отдыхают на берегу. Ф. Амирхан на переднем плане в лодке пытается казаться бодрым, но 30-летний писатель не может скрыть усталость. Заметны также его сжатые в полупараличе руки, а вот ногу он положил на ногу, показывая «здоровый» вид.

Еще одна очень личная фотография сделана была в родительском доме Амирхана, в собственной комнате, где он лежит на диване с роскошной обивкой (1916) (**фото 34**). Несмотря на лежащую позу, здесь трудно заподозрить писателя в физическом недуге, у него довольный вид и он только что прилег отдохнуть, так можно было бы трактовать фотографию.

Существует также фотография, датировать которую достаточно сложно.

Скорее всего, она появилась еще до революции, так как еще не унифицирована: за спинами портретируемых виден живописный фон, а люди изображены в платьях с характерными элементами татарского национального костюма – женщины в калфаках (это жена И. Амирханова – Нафиса – и его двоюродная сестра Зейнаб), более взрослый мужчина (а это брат Ф. Амирхана – Ибрагим) в каляпуше, юноша (это Гумер Амирханов, двоюродный брат) – в косоворотке (**фото 35**). Эта фотография – образец трогательных и прочных, на многие годы, семейных, родственных связей.

В 1916 г. появилась необходимость в новом слуге, так как Магсум ушел из дома Амирханов. Об этом появляется объявление на странице газеты «Кояш». Роль помощника вскоре стал исполнять Закария, племянник, мать которого Сагадат умерла в 1911 г.

1917 г. стал переломным. Февральская, потом Октябрьская революции тяжелым катком прошли по судьбе миллионов. Скорее всего, революцию Ф. Амирхан не принял, хотя позже появляются статьи, в которых он с возмущением и болью писал о разрухе, разгуле преступности, о запущенных новой властью памятниках, незаслуженных привилегиях и безнравственном поведении новых

лидеров. Редкие публичные появления мастера встречались восторженными аплодисментами и перерастали в импровизированные литературно-художественные встречи. Конечно, такая популярность и «подозрительная» общественная позиция не могли понравиться властям. В 1920-е гг. в прессе начинают появляться статьи, обвиняющие Ф. Амирхана во всех смертных грехах. После революции начинается жизненный спад писателя и постепенный уход. Фотографий становится совсем мало. При этом новые горестные утраты принесли с собой эти годы, в 1918 г. умирает его мать, а через три года от холеры – отец. Амирхан пережил наиболее трудный отрезок своей жизни в 1920–1922 гг.: холод, голод, одиночество, отсутствие работы. Практически один он жил в родительском доме в Новотатарской слободе. Уже тяжело больной туберкулезом писатель оказался в вынужденном одиночестве, без средств к существованию, эти условия существенно надломили его здоровье.

Брата в это время рядом не было. Ибрагим Амирханов перед революцией 1917 г. служил в царской армии в Екатеринбурге в чине младшего унтер-офицера. До декабря 1917 г. он находился в национальном самоуправлении в Са-

ратове, а также в мусульманском военном комитете. В феврале 1918 г. стал членом партии большевиков. После освобождения Казани от белочехов Ибрагим Амирханов работает народным судьей, является помощником председателя Совета народных судей. В 1919 г. его назначают заведующим отделом по делам национальностей при Казанском губисполкоме. В 1920 г. Ибрагим добровольно ушел на фронт, участвовал во взятии Крыма в качестве помощника начальника политотдела Казанской стрелковой дивизии. В Крыму его избрали членом революционного комитета Симферополя, поручили руководство отделом народного просвещения. Одновременно Ибрагим был членом мусульманского бюро при Крымском областном комитете партии. Вместе с ним в Крыму находилась и супруга Нафиса. После возвращения из Красной Армии в 1923 г. начинается работа И. Амирханова в органах юстиции – он назначается членом Верховного трибунала. Затем следует работа в областном суде – членом Президиума, заместителем председателя (1923–1924 гг.) (Багаутдинов Ф.Н. Младший брат Фатиха Амирхана. С. 88).

Фатих в это время работал в редакции газеты «Кызыл Армия» («Красная

Армия»), что давало ему минимальный заработок. Сохранилась даже фотография редакции газеты, где помимо него сфотографирован Фатхи Бурнаш, Садри Джалал и др. (27 марта 1921 г.) (**фото 36**) Увы, вскоре газета закрылась и писатель лишился постоянного дохода в условиях голодного времени, пенсии он также не получал.

Недолгое время Ф. Амирхан еще мог передвигаться на повозке с лошастью. Так, 7 июня 1918 г. будучи в Чистополе, он получил разрешение от Исполкома Комиссариата по мусульманским делам на то, чтобы не досматривалась его лошадь, на которой он, из-за ревматизма и паралича ног, мог самостоятельно передвигаться. В качестве общественно значимых заслуг Амирхану ставилась работа в популярных мусульманских газетах «Кояш» и «Новый век», из-за чего он постоянно на выезде и это его основной заработок (Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Д. 16. Оп. 2. Ед. хр. 34).

Возможно, в Казани он был уже лишен свободного проезда, вряд ли ему удавалось в голодные годы содержать лошадь. В Казани за ним присматривали его родные: племянница Разия, племянники Закария и Махмут, двоюродный брат Гумер. 1 сентября 1920 г. красноар-

мейца строевого отдела ПриВО Гумера Назиповича Амирханова, 1899 г.р., арестовали. Приговор был характерным для того времени – заключить в концлагерь на время гражданской войны. 27 ноября 1920 г. Г.Н. Амирханову определили срок – 5 лет концлагерей. Он находился в лагере трудовой повинности (Багаутдинов Ф.Н. Младший брат Фатиха Амирхана. С. 89).

В октябре 1921 г. благодаря Г. Ибрагимову и Ф. Бурнашу Ф. Амирхан становится сотрудником редакции «Татарстан хәбәрләре» («Известия Татарстана»), что дает ему небольшой заработок и возможность печататься.

В 1923 г. жизнь писателя значительно улучшилась, после того как Фатих с братом продают родительский дом в Новотатарской слободе и перезжают в дом на углу ул. Жуковского, 12 / Б. Красная, 46, его последнее пристанище (**фото 42**). Брат Ибрагим с женой Нафисой вернулись в Казань и поселились вместе с еще несколькими родственниками в этом доме, заняв весь первый этаж.

У писателя появился свой кабинет с телефоном (вероятно, сыграла роль должность Ибрагима), он был окружен родными людьми, среди которых кроме Ибрагима и его жены, жили ее мать, племянница Разия, возможно, племянники.

23 июня ему, наконец, была оформлена персональная пенсия в размере 40 рублей (Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Д. 16. Оп. 2. Ед. хр. 40).

2 июня 1923 г. Амирхан отправился на кумысолечение в башкирскую деревню Кучум. До станции Чишма у него было сопроводительное письмо от Башкирского ЦИК о содействии ему в поезде при провозе кресла-велосипеда, учитывая тяжелое состояние Ф. Амирхана, ему рекомендовано было оказывать всякое содействие (Центр письменного и музы-

кального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Д. 16. Оп. 2. Ед. хр. 36). Вероятнее всего, в этом помог ему брат Ибрагим, занимавший тогда весьма значимую должность, или друзья – писатели. Выезд стал поводом посетить Уфу, где он встречался с М. Гафури.

1924–1925 гг. Ф. Амирхан постоянно болеет, кроме того, возрастает кампания против него как «буржуазного» писателя. Он почти не печатается. В 1925 г. Ф. Амирхан предпринимает поездку в Астрахань и санаторий Крыма для лечения, в пути его сопровождает

Судьба Ибрагима Амирханова сложилась трагически. Ибрагим Амирханов считается одним из первых татарских дипломатических работников. В 1924–1926 гг. он работает в консульстве СССР в Саудовской Аравии. В Аравии Ибрагиму особенногодились знания английского, арабского, турецкого языков, которыми он овладел во время учебы в Бейруте. В посольстве Ибрагим выполнял обязанности переводчика, а также все другие поручения. Сохранились фотографии четы Амирхановых, которые они присылали из-за границы родственникам. На снимках супруги Амирхановы выглядят в высшей степени изысканно и небедно (**фото 37, 39–41**). В 1928 г. И. Амирханов возвращается в Наркомюст Татарской республики и работает членом Главного суда. 1 июля 1938 г. датирован короткий допрос И. Амирханова. Он подтверждал свои показания, что являлся секретным агентом, японским шпионом и проводил антисоветскую работу в Идель-Уральской организации. 3 октября 1938 г. утверждается обвинительное заключение по делу и оно направляется для рассмотрения. Тройка НКВД ТАССР 3 ноября 1938 г. выносит приговор – расстрел, который исполняется в этот же день. По поводу реабилитации Ибрагима обратилась Разия Абдулловна Амирханова – племянница Фатиха и Ибрагима Амирхановых, дочь их сестры Сагадат, воспитывавшаяся в семье Зарифа Амирханова. В связи с рассмотрением вопроса о реабилитации И. Амирханова Комитет государственной безопасности ТАССР провел проверку, в том числе по сведениям об оказании Амирхановым помощи белочехам в Казани в 1918 г. Проверяющие пришли к выводу об отсутствии каких-либо доказательств, подтверждающих эти сведения. КГБ также не располагал сведениями о сотрудничестве И. Амирханова с Казанским жандармским управлением. В результате в 1958 г. Ибрагим Амирханов был реабилитирован (Багаутдинов Ф.Н. Младший брат Фатиха Амирхана. С. 87–94).

племянник Закария (**фото 38**). В Астрахани его встретил и принял известный общественный деятель Габдрахман Гумари. Очень активно его приветчала астраханская общественность. В августе Ф. Амирхан с племянником выехали в Крым, в Ялту в санаторий «Гастрия». Местная интеллигенция также с энтузиазмом встречает Амирхана. Сохранилось изображение Ф. Амирхана с племянником в санатории. Теперь это уже истощенный, уставший человек, хотя ему нет еще и 40 лет.

Туберкулез легких, который он лечил в санатории, временно отступил, однако болезнь задела позвоночник и по возвращении в Казань в октябре 1925 г., писатель почти все время проводит дома, мучаясь от болей. Иногда выезжает в театр. К середине февраля 1926 г. Фатих Амирхан простудился, грипп перешел в воспаление легких. Писатель не сразу согласился на вызов врача, а потом усилия лучших врачей Казани, казалось бы, возымели действие, писателю стало легче, но воспаление захватило кишечник и желудок. Снова борьба за жизнь. У постели Амирхана тогда дежурили многие. 9 марта в 10 часов 10 минут жизнь Фатиха Амирхана обрывается... Сохранилась фотография от 9 марта, где с покойным у

него дома прощаются его близкие. Среди них Фатыма Апакова, Разия Амирханова, Габдулла Амирханов, Гумер Амирханов, Газиза Яушева (мать Нафисы, жены Ибрагима Амирханова), Махмут Амирханов, Габдулхамит Апаков, Закария Амирханов (**фото 43**). Брат в это время находился на консульской службе в Саудовской Аравии.

12 марта состоялись похороны. Его тело было вывезено для прощания на Театральную площадь. Председательствовал гражданской панихидой Фатхи Бурнаш. Как и на похоронах Г. Тукая, многие пришли проститься с любимым писателем на Юнусовскую площадь. Он был похоронен на Новотатарском кладбище рядом с могилами своего отца, дяди и деда. В тот же день была прочитана молитва Мухаммедом-Касымом Салихи (Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Д. 16. Оп. 2. Ед. хр. 64). Похороны Ф. Амирхана также были зафиксированы на фотографиях (**фото 44**). Запечатлен и сам покойный – дома, в окружении родных, изображение покойного появилось также в траурном номере газеты «Красная Татария» (**фото 47**). Процесс похорон был сфотографирован в том числе на кладбище у могилы Амирхана. Можно говорить о том, что в те годы ре-

лигиозные ограничения практически не действовали, но и к Амирхану относились уже как к части национальной истории и культуры, поэтому старались запечатлеть все моменты, что относилось к знаменитому писателю (**фото 48, 49**).

Все казанские газеты посвятили в тот день материалы Ф. Амирхану. Несколько страниц под шапкой «Умер известный, крупный писатель Фатих Амирхан» выпустила газета «Кызыл Татарстан» («Красный Татарстан»). Соболезнования прислали как общественные организации, так и частные лица, (среди них М. Гафури, Н. Исанбет и др.) из разных городов страны (**фото 45, 46**).

Противоречивое отношение к Амирхану в те годы ярко характеризует следующий документ. В стране шла кампания чисток творческих организаций от буржуазных элементов. В 1931 г. был арестован молодой писатель А. Кутуй, являвшийся членом творческой группы «Жидегән» («Семерка»). В заведенном на него деле остались собственноручные записи о татарских литературных и общественных течениях 1920-х гг., характеристики известных и малоизвестных деятелей литературы тех лет. Конечно, надо иметь в виду, что эти записи были сделаны писателем, вошедшим

в литературу лишь в 1920-е гг., в период острой борьбы писательских группировок. Именно из-за левацких взглядов творческой интеллигенции пришлось покинуть в 1923 г. Ф. Амирхану Театральный техникум, где он преподавал татарскую литературу. На долгие десятилетия и его имя было вычеркнуто из этой истории. Вот что писал А. Кутуй, характеризуя Ф. Амирхана: «...Как на одно из «интересных явлений» тех лет мне бы хотелось указать на похороны Фатиха Амирхана. Как известно, Амирхана похоронили и по-граждански, и с муллами по-религиозным обрядам, что, конечно, явилось демонстрацией враждебных слоев из среды старых татарских интеллигентов, близко стоявших к Амирхановым, против революционной литературы, и, что особенно ясно было, попытка воспользоваться случаем – моментом укрепить пошатнувшийся религиозный фронт. На некоторые штрихи этих похорон я указывал и на собрании советской интеллигенции в Академическом театре, посвященном разоблачению султангалиевцев. Мне думается, что Фатих Амирхан или его квартира (до смерти писателя) объединяла в себе более враждебные элементы. Оттуда иногда исходили анекдоты с критикой лиц, желающих работать

для советской власти. На враждебность этого круга показывают и последние произведения Ф. Амирхана, которые отданы были в печать, но, судя по словам Тулумбайского, были контрреволюционны и потому не были напечатаны. Характерно еще то: несмотря даже на такие демонстративные похороны, печать («Кызыл Татарстан») Амирхану уделила больше страницы места, не помню, чья подпись, кажется, Султан-Галиева, была одна статья и в «Известиях ВЦИК». А татарский театр в эти дни поставил пьесу Амирхана.

Фатих Амирхан был врагом советской пролетарской литературы. Передают, что он издевался над произведениями молодежи (Кави Наджми, Кутуя, Тулумбайского и других) (Гайнетдинов М., Рахимов С. Н. Исанбет: «В Казани литературно-общественная атмосфера нездоровая» // Гасырлар авазы = Эхо веков. 1997. № 3–4).

Итак, фотоистория Фатиха Амирхана оказалась примечательна тем, что в ней остались запечатлены семейные и дружеские узы писателя, личная жизнь и, в минимальной степени, его общественная позиция. В них немного того, что говорило бы о его литературных пристрастиях или политических интересах, к тому же после 1917 г. этот по-

ток фотоисторий практически иссяк. К этому моменту ушли из жизни его старшая сестра, мать, отец, за границей на дипломатической службе находился младший брат. Судьба раскидала друзей. Последние годы жизни Ф. Амирхана окрашены одиночеством, тяжелыми бытовыми и социальными обстоятельствами. А свидетельствами его жизни становятся бесконечные справки, выписки из протоколов и постановлений, предписания и пр. Яркая его жизнь теряет визуальность, приобретая характер казенных текстов. Ф. Амирхан все больше оказывается в общественной изоляции. Однако сама история появления его фотографий связана с тем, что он боролся против консерватизма своей среды, поэтому значительное количество их появляется именно тогда, когда он активно пытается реформировать близкое ему общество. В следующее после революции десятилетие фотографий было сделано минимально, в эти годы активная общественная и литературная деятельность Фатиха Амирхана постепенно сходит на нет, и фотоистория его заканчивается.

1. Зариф хазрат Амирхани, отец Фатиха Амирхана на похоронах Г. Тукая (мулла, крайний слева). Казань. 4 (17) апреля 1913 г. Юнусовская площадь. Духовенство (слева направо): Зариф хазрат Амирхани (отец Фатиха Амирхана), неизвестный мулла, Галимджан хазрат Баруди (с палкой), Ибрагим хазрат Халитов. Фотокопия. ЦПИМН

Фатих Әмирханның әтисы Зариф хәзрәт Әмирхани Г. Тукайны жирләү мәрасимендә (сулдан беренче мулла). Казан. 1913, 4 (17) апрель. Юнысов мәйданы. Нәзарәт (сулдан уңга): Зариф хәзрәт Әмирхани (Фатих Әмирханның әтисе), билгесез мулла, Галимжан хәзрәт Баруди (таяк тоткан), Ибраһим хәзрәт Халитов. Фотокопия. ЯһММУ

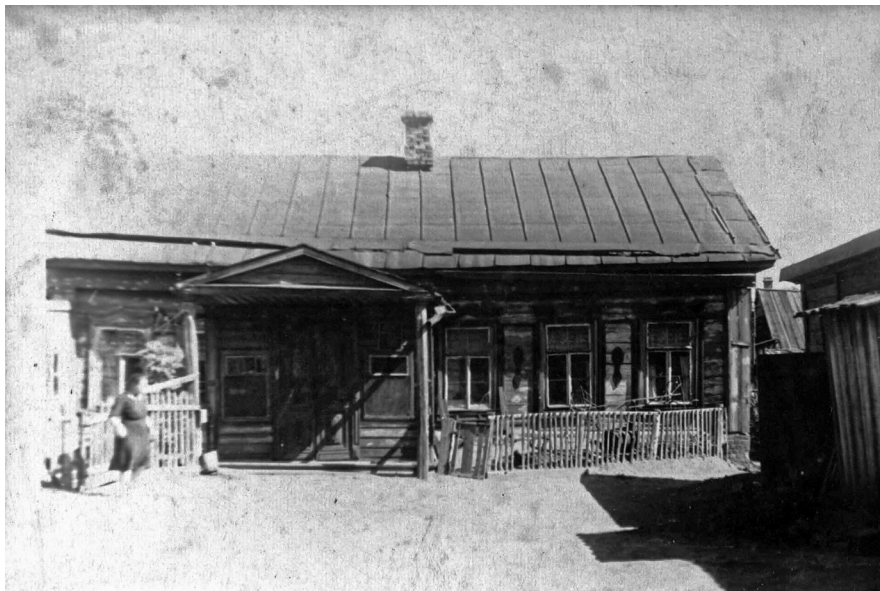
2. Фатих Амирхан с семьей. Самара. 1904, август. Подлинник фотографии с паспорту фотосалона М. Фердмана в Самаре. ЦПМН

Фатих Әмирхан гаиләсе белән. Самара. 1904, август. Төп нөсхә Самарада М. Фердман фотосалоны паспортун белән. ЯһММУ

2а. На обороте фотографии надпись на русском языке: «1904 года Августа И. Амирханова». На татарском языке арабской графикой: «Үземнекен табып жибәрдем. Ибраһим» («Нашел и отправил свою. Ибрагим»). ЦПМН

Фотографиянең арткы ягында татар телендә гарәп графикасында автограф: «Үземнекен табып жибәрдем. Ибраһим»; рус телендә: «1904 года Августа И. Амирханова». ЯһММУ

3. Дом, где родился Ф. Амирхан 1 января 1886 г. Казань, ул. М. Гафури, 35. Здание не сохранилось. Подлинник фотографии с пояснительной запиской Вафы Бахтиярова. Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагмиова АН РТ (далее – ЦПМН)

Ф. Әмирхан туган йорт. Казан, М. Гафури ур., 35. Бина сакланмаган. Төп нөсхә Вафа Бәхтияровның аңлатма язуы белән. ЯһММУ

4. Здание медресе Мухаммадия, где учился Ф. Амирхан с 1894 по 1906 гг. Казань, ул. Тукая, 34. Подлинник фотографии с пояснительной запиской Вафы Бахтиярова. ЦПМН

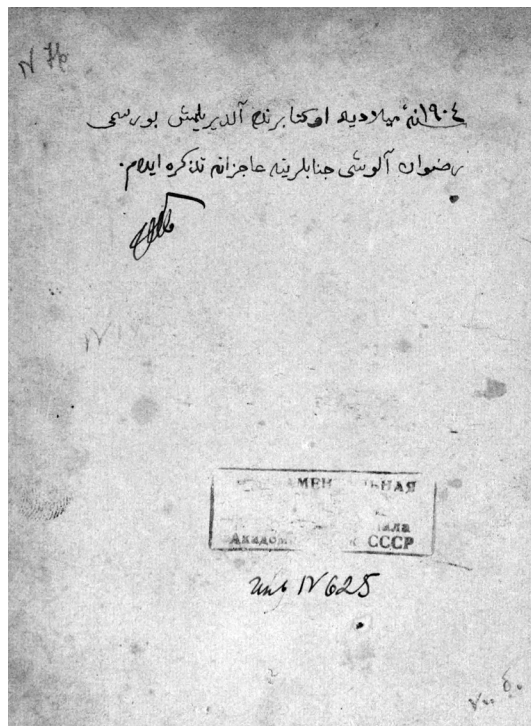
1894–1906 елларда Ф. Әмирхан укыган Мөхәммәдия мәдрәсәсе бинасы. Казан, Тукай ур., 34. Төп нөсхә Вафа Бәхтияровның аңлатма язуы белән. ЯһММУ

5. Фатих Амирхан. 1904, октябрь. Казань. Подлинник фотографии с паспорту. ЦПМН

Фатих Әмирхан. 1904, октябрь. Казан. Төп нөсхә паспорту белән. ЯһММУ

5а. Оборот с автографом писателя на татарском языке арабской графикой: «1904 нче сәнә миладия октябрәндә алдырмыш бу рәсеме Ризван Алуши җәнабләренә гажизанә тәзкирә идәм» («Дарю эту фотографию, сделанную в октябре 1904 года, многоуважаемому Ризвану Алуши»). ЦПМН

Арткы ягында татар телендә гарәп графикасында язучы автографы: «1904 нче сәнә миладия октябрәндә алдырмыш бу рәсеме Ризван Алуши җәнабләренә гажизанә тәзкирә идәм». ЯһММУ

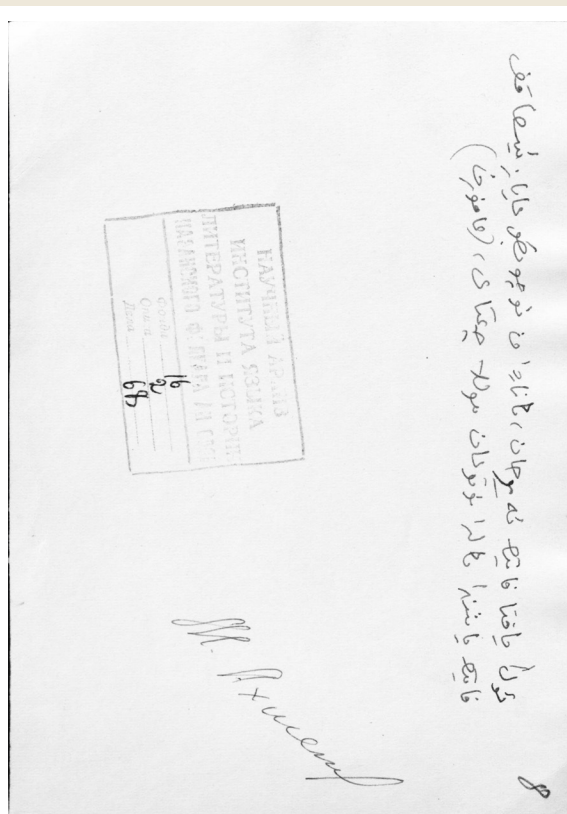
6. Семейный портрет Амирханов. Сидят слева направо: сестра Сагадат, ее дочь Рузия, мать Рабига-абыстай, стоят слева направо: брат Ибрагим, Фатих. 1906. Казань. На паспорту надпись: «Рембрандт. Москва. Казань». На обороте паспорту – печатная реклама: «Фотография в Москве. Сретенка, угол Колосов. пер. дом Базыкина. Казань Воскресенск. ул. д. Эккерман. Atelier Photographique Rembrandt. Moskau. Kazan. Лит. И. Покорного. Москва». Подлинник фотографии с паспорту. Национальный музей РТ

Әмирхановларның гаилә портреты. Сулдан уңга утырганнар: апасы Сәғадәт, аның кызы Рузия, әнисе Рәбига абыстай; басканнар – сулдан уңга: абыйсы Ибраһим, Фатих үзе. 1906. Казан. Паспорту асты: «Рембрандт. Москва. Казань». Паспортуның икенче ягында басма реклама: «Фотография в Москве. Сретенка, угол Колосов. пер. дом Базыкина. Казань Воскресенск. ул. д. Эккерман. Atelier Photographique Rembrandt. Moskau. Kazan. Лит. И. Покорного. Москва». Төп нөсхә паспорту белән. ТР Милли музейе

7. Фотография участников Мусульманского съезда, проведенного в Санкт-Петербурге 17–24 января 1906 г. Ф.Амирхан – крайний справа во втором ряду. Подлинник фотографии. ЦПМН

Санкт-Петербургта 1906 елның 17–24 гыйнварында узган Мөселман корылтаенда катнашучылар. Ф.Әмирхан – икенче рәттә уңнан беренче. Төп нөсхә. ЯҺММУ

7а. На обороте фотографии надпись на татарском языке арабской графикой: «Сул якта Фатих Әмирхан, анардан өченче Гаяз Исаков, Фатих янында алда утырган сулда Чыгытай (Гафуров)» («Слева Фатих Амирхан, третий от него Гаяз Исаков, рядом с Фатихом впереди слева Чыгытай (Гафуров)»). Подлинник фотографии. ЦПИМН

Арткы ягында татар телендә гарәп графикасында автограф: «Сул якта Фатих Әмирхан, анардан өченче Гаяз Исаков, Фатих янында алда утырган сулда Чыгытай (Гафуров)». Төп нөсхә. ЯһММУ

8. Групповой портрет. Слева направо: Ризван Ибрагимов (Алуши), Исмагил Аитов, Фатих Амирхан. 1906, 26 июля. Казань. Подлинник фотографии с паспорту М. Засыпкиной (2 экз.). ЦПИМН

Күмәк портрет. Сулдан уңга: Ризван Ибраһимов (Алуши), Исмағыйль Аитов, Фатих Әмирхан. 1906, 28 май. Казан. Төп нөсхә М.А. Засыпкина паспортуы белән (2 данә). ЯһММУ

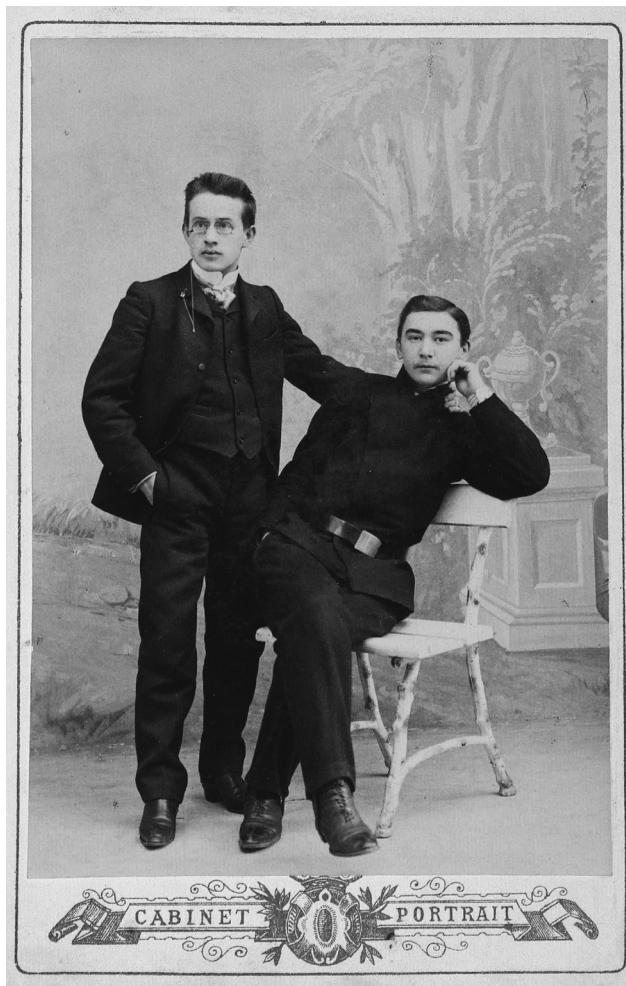

8а, б. На обороте автограф писателя на татарском языке арабской графикой: «Сиддыйкъ мөхтәрәмем Ризванә тәзкирә. Фатих Әмирхан. 28.05.1906» («Дар уважаемому другу Ризвану. Фатих Амирхан. 28.05.1906»). На паспарту адрес фотосалона «Фотография М.А. Засыпкиной в Казани. Бол. Проломная ул. Д. Мукминова (2 экз.). ЦПИМН

На втором экземпляре на обороте автограф писателя на татарском языке арабской графикой: «Син генә минем каршында, иң кыйммәтлем син генә. Син кояшым, син жанашым, рух бирүчем син генә. Кара Коябчә» («Лишь ты у меня перед глазами, лишь ты – самое дорогое для меня. Ты солнце, ты душа моя, лишь ты отрада. По Кара Коябу»)

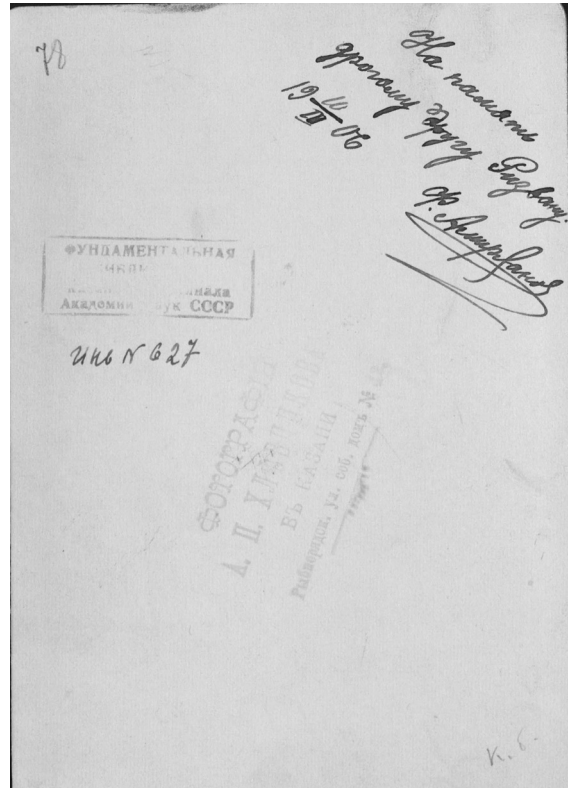
Артык ягында язучының автографы татар телендә гарәп графикасында: «Сиддыйкъ мөхтәрәмем Ризванә тәзкирә. Фатих Әмирхан. 28.05.1906». Паспартуда фотосалон адресы: «Фотография М.А.Засыпкиной в Казани. Бол. Проломная ул. Д. Мукминова» (2 данә). ЯһММУ

Икенче нөсхәсендә фото артында язучының автографы татар телендә гарәп графикасында: «Син генә минем каршында, иң кыйммәтлем син генә. Син кояшым, син жанашым, рух бирүчем син генә. Кара Коябчә»

9. Фатих Амирхан с другом Ризваном Ибрагимовым (Алуши). 1906, 10 марта. Казань. Подлинник фотографии с паспорту. ЦПИМН

Ф. Әмирхан дуствы Ризван Ибраһимов (Алуши) белән. 1906, 10 март. Казан. Төп нөсхә паспорту белән. ЯһММУ

9а. На обороте фотографии автограф писателя на русском языке: «На память дорогому другу Ризвану. 10.III.1906». Печать фотосалона «Фотография А.П. Хлебникова в Казани Рыбнорядск. ул. собств. дом № 12» ЦПИМН

Фотоның арткы ягында язучының автографы рус телендә: «На память дорогому другу Ризвану. 10.III.1906». Фотосалон мәһерә: «Фотография А.П. Хлебникова в Казани Рыбнорядск. ул. собств. дом № 12». ЯһММУ

10. Фотография участников Мусульманского съезда, проведенного в Санкт-Петербурге 17–24 января 1906 г. Среди участников Ф. Амирхан (в первом ряду, лежит второй справа), И. Гаспралы, Ф. Туктаров. Фотокопия из журнала «Казан Мехбире» («Казанский вестник»). ЦПИМН

Мөселман корылтаенда катнашучылар (Санкт-Петербург, 1906, 17–24 гыйнвар). Катнашучылар арасында Ф. Әмирхан (беренче рәттә уңнан икенче – яткан), И. Гаспралы, Ф. Туктаров. «Казан мөхбире» журналынан фотокопия. ЯһММУ

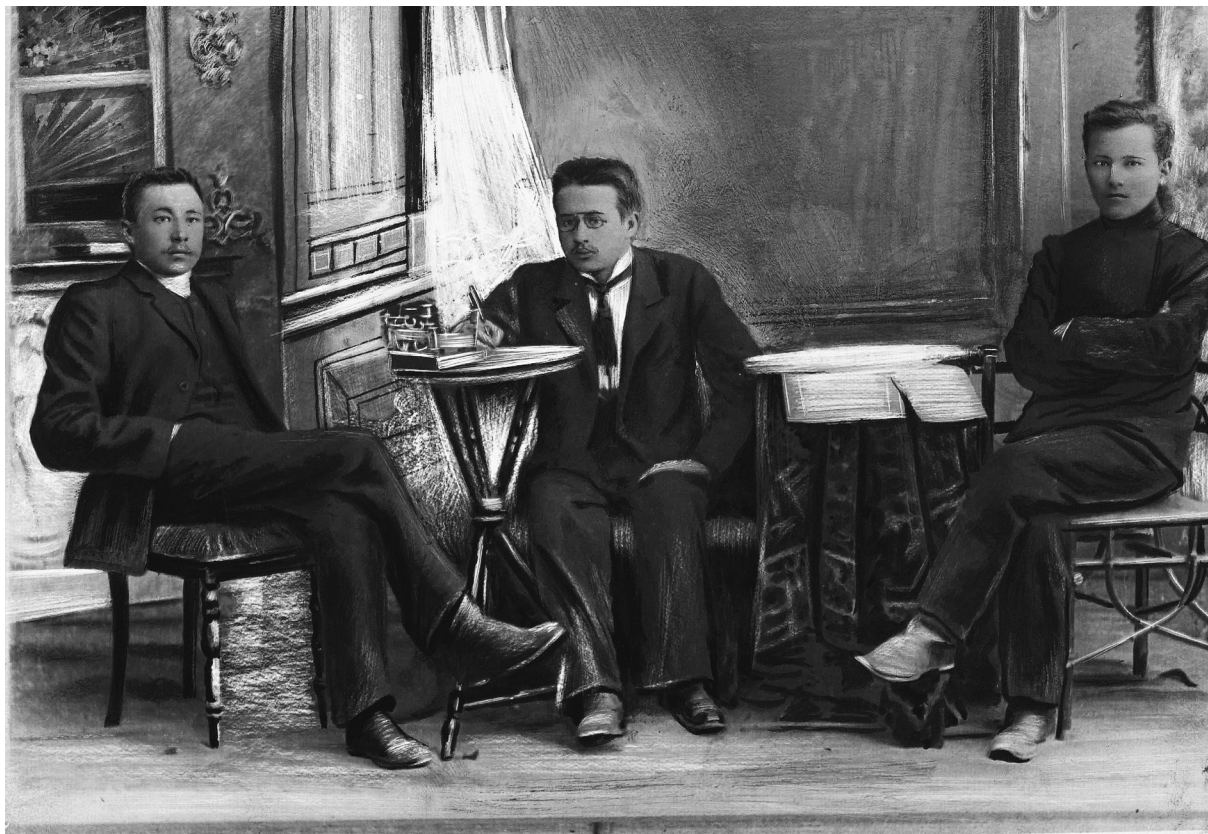
11. Члены редколлегии газеты «Әль-Ислах» («Реформа»). На фотографии (слева направо): редактор и издатель газеты Вафа Бахтияров, театральный критик Габделькабир Бакир, идейный руководитель и активный сотрудник Фатих Амирхан, сотрудник редакции Ибрагим Амирхан, поэт Габдулла Тукай. Казань. 1908, 5 мая. Подлинник фотографии с паспарту С.И. Иванова. Архив Р.У. Амирханова

11. «Әлислах» газетасының редколлегия әғза-лары. Сулдан уңға: мө-хәррир һәм нашир Вафа Бәхтияров, театр тәнқийтьчесе Габделкәбир Бәкер, идея житәкчесе һәм актив хезмәткәр Фатих Әмирхан, редакция хезмәткәре Ибраһим Әмирхан, шагыйрь Габдулла Тукай. Казан. 1908, 5 май. Төп нөсхә С.И. Иванов паспартуы белән. Р.Г. Әмирханов архивы

11а. Оборот паспарту с автографами писателя на русском и татарском языках арабской графикой. Паспартуның арткы ягында татар телендә кирилл һәм гарәп графикасында язучы автографы

12. Члены редколлегии газеты «Әль-Ислах» («Реформа»). На фотографии (слева направо): редактор и издатель газеты Вафа Бахтияров, идейный руководитель и активный сотрудник Фатих Амирхан, поэт Габдулла Тукай. Казань. 1908. Фотокопия с оригинала 1908 г. с ретушью на портретах Ибрагима Амирханова и Габделькабира Бакира. ЦГПИМН

“Әлислах» газетасының редколлегия әғзалары. Фотода сулдан уңға: мөхәррир һәм нашир Вафа Бәхтияров, идея житекчесе һәм актив хезмәткәр Фатих Әмирхан, шагыйрь Габдулла Тукай. Казан. 1908. Ибраһим Әмирханов һәм Габделкәбир Бәкер портретлары ретушланган фотокопия. ЯһММУ

13. Фатих Амирхан. Казань. 1908. Подлинник фотографии с паспарту С.И. Иванова. ЦПимН

Фатих Әмирхан. Казан. 1908. Төп несхә С.И. Иванов паспартуы белән. ЯһММУ

13а. Оборот паспарту с автографами писателя на русском и татарском языках арабской графикой с дарственной надписью В. Бахтиярову о сотрудничестве в газете «Аль-Ислах». ЦПимН

Паспартуның арткы ягында рус телендә автограф: «На память сотрудничества в газ.Эль-Ислах Вафы Бахтиярову. Ф.Амирхан»; татар телендә гарәп графикасында: «1907-8 сәнә «Әлислах»та бергә эшләшү тәзкирәсе уларак Вафа әфәнде Бәхтияр ... Дамелла». ЯһММУ

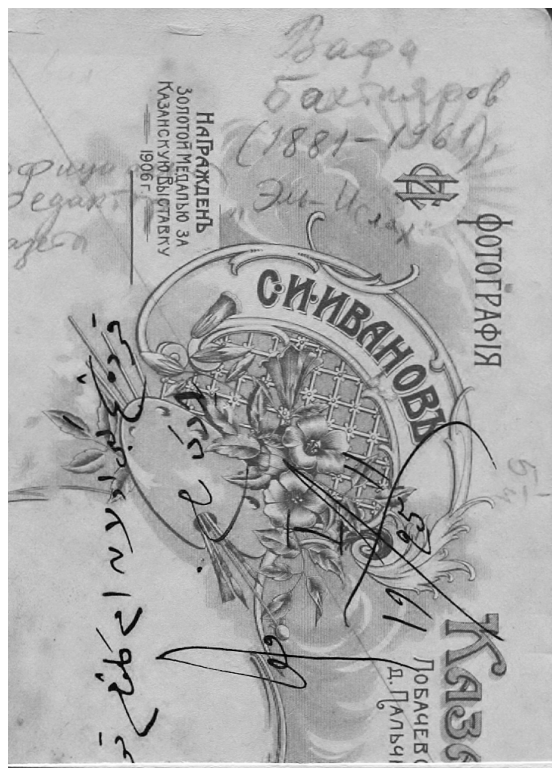
14. Фатих Амирхан. Казань. 1908. Подлинник фотографии с паспарту С.И. Иванова. ЦПМН
Фатих Әмирхан. Казан. 1908. Төп нөсхә
С.И. Иванов паспартуы белән. ЯһММУ

14а. Портрет А.П. Чехова. Фотограф Ф.И. Опитц. Начало 1900-х гг.
А.П. Чехов портреты. Фотографы –
Ф.И.Опитц. 1900 еллар башы

15. Вафа Бахтияров, друг Ф. Амирхана и редактор газеты «Аль-Ислах». Казань. 1908. Подлинник фотографии с паспорту С.И. Иванова. Архив Р.У. Амирханова
Ф.Әмирханның дуствы һәм «Әлислах» газетасы редакторы Вафа Бәхтияров. 1908. Төп нөсхә С.И.Иванов паспорту белән. Р.Г. Әмирханов архивы

15а. Обрат паспорту с автографами писателя на русском и татарском языках арабской графикой
Паспортуның арткы ягында рус һәм татар телләрендә автограф

16. Вали Апанаев и Гали Ахмадуллин, друзья Ф. Амирхана. Казань. 1907. Подлинник фотографии с паспорту А.Ф. Мухиной. Казань, Державинский сквер. ЦПМН
Ф. Әмирханның дуслары Вәли Апанаев һәм Гали Әхмәдуллин. Казан. 1907. Төп нөсхә А.Ф. Мухина паспортуы белән: Казан, Державин скверы. ЯһММУ

16а. На обороте паспорту надпись на татарском языке арабской графикой: «Гали әфенде Әхмәдуллин берләш ... итдек. 1907 нче сәһәдә ноябрь 21ендә» («Вместе с Гали эфенди Ахмадуллиным ... 21 ноября 1907 г.»). ЦПМН
Паспортуның арткы ягында татар телендә гарәп графикасында автограф: «Гали әфенде Әхмәдуллин берләш ... итдек. 1907 нче сәһәдә ноябрь 21ендә». ЯһММУ

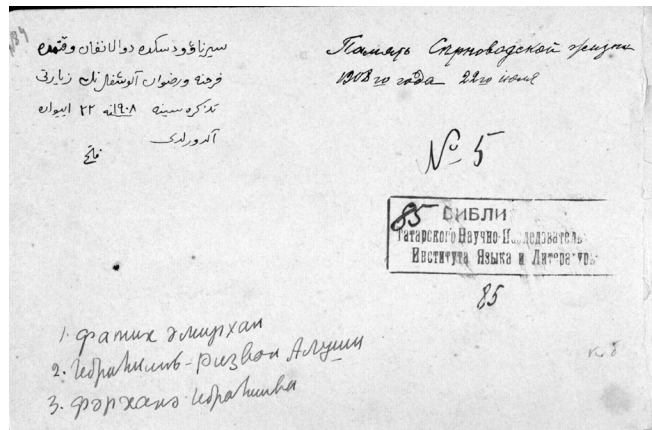

17. Фатих Амирхан с семьей Ибрагимовых – Ризваном (Алуши) и Фарханой. 1908, 22 июля. Подлинник фотографии с паспарту «Cabinet-portret». ЦПИМН

Фатих Әмирхан Ризван (Алуши) һәм Фәрханә Ибраһимовлар гаиләсә белән. 1908 елның 22 июле. Төп нөсхә «Cabinet-portret» паспартуы белән. ЯһММН

17а. На обороте автограф писателя на русском языке: «Память Серноводской жизни 1908-го года 22-го июля». На татарском языке арабской графикой: «Серноводскидә дөваланган вакытымда Фәрханә вә Ризван Алушиларның зыярәте тәзкирәсенә. 1908 сәнә 22 июльдә алдырылды. Фатих» («В память о визите Фарханы и Ризвана Алуши, когда я был на лечении в Серноводске. Снято 22 июля 1908 г. Фатих»). ЦПИМН

Фотоньң арткы ягында язучының автографы рус телендә: «Память Серноводской жизни 1908-го года 22-го июля»; татар телендә гарәп графикасында «Серноводскидә дөваланган вакытымда Фәрханә вә Ризван Алушиларның зыярәте тәзкирәсенә. 1908 сәнә 22 июльдә алдырылды. Фатих». ЯһММН

18. Семья Камаловых. Слева направо: стоят – слева Хатима Камалова (1888–1918), справа – Шамсениса Камалова (1886–1930). Сидят – слева Фатыйма Камалова (1855–1939), рядом сидит Уммугульсум Камалова (1889–1957). Дополнительная надпись на обороте: «Ибрагим (1876–1930). Серноводск». Оригинальная надпись – на татарском языке арабской графикой. 15 августа 1907. Оригинал на паспорту «Cabinet-portret». Архив Р.У. Амирханова

Камаловлар гаиләсе. Сулдан уңга – басканнар: Хатимә Камалова (1888–1918), Шәмсениса Камалова (1886–1930). Утырганнар – сулдан: Фатыйма Камалова (1855–1939), янында утыра – Өммегөлсем Камалова (1889–1957). Икенче ягында өстәмә яз: «Ибраһим (1876–1930). Серноводск». 1907, 15 август. Төп нөсхә, «Cabinet-portret» паспортуда. Р.Г. Әмирханов архивы

19. Шамсениса Камалова. Самара. 1907, 10 июня. Подлинник фотографии с паспорту А. Васильева. Самара, Дворянская ул., дом Шумовой. Архив Р.У. Амирханова
Шәмсениса Камалова. Самара. 1907, 10 июнь. Төп несхә А. Васильев паспортуы белән. «Самара, Дворянская ул., дом Шумовой». Р.Г. Әмирханов архивы

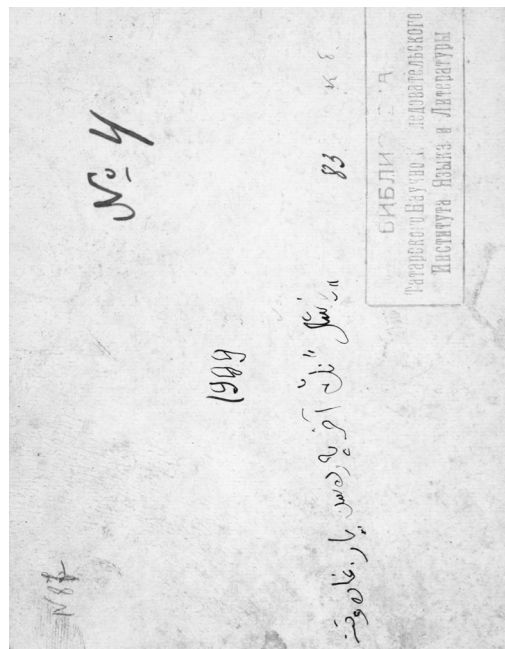
19а. На обороте паспорту надпись на татарском языке арабской графикой

Паспортуның арткы ягында татар телендә гарәп графикасында автограф

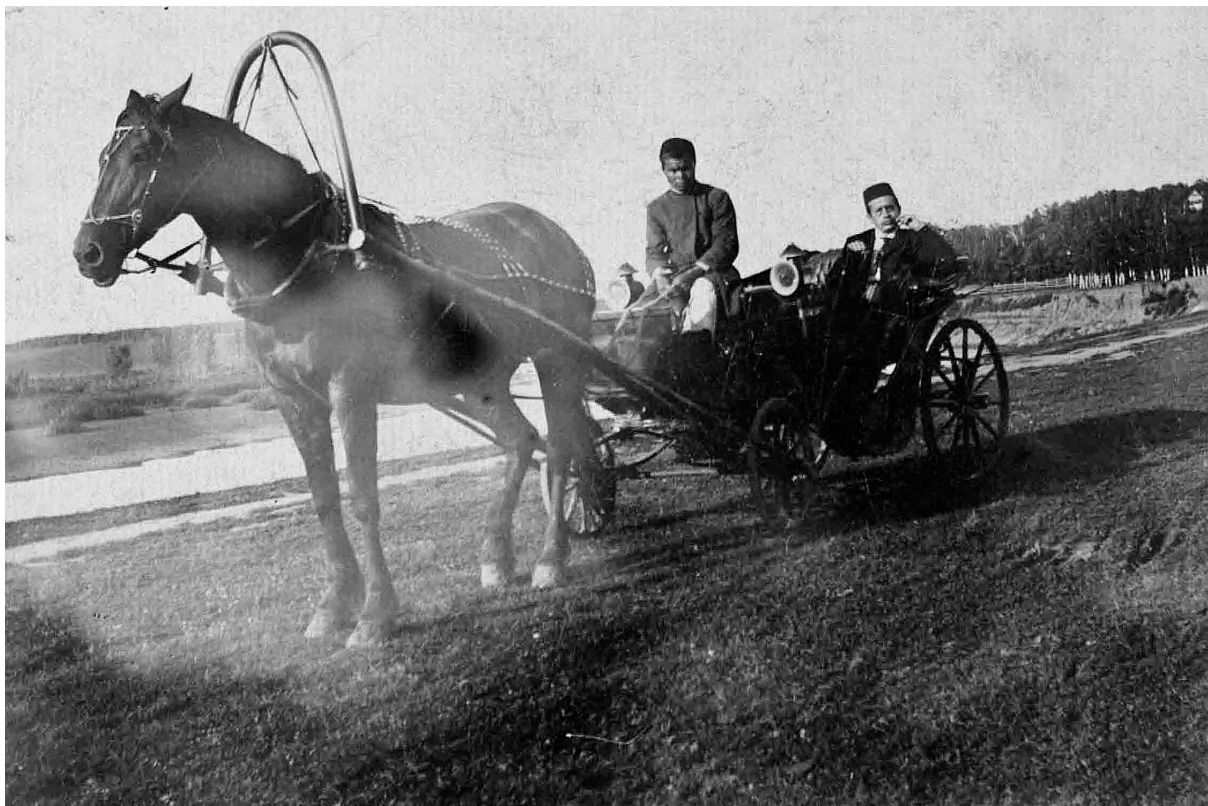
20. Фотография Ф. Амирхана в рабочем кабинете в период завершения последнего действия пьесы «Яшьләр» («Молодежь»). 1909. Казань. Подлинник фотографии с паспарту. ЦПИМН

Ф. Әмирхан эш кабинетында. «Яшьләр» пьесасының соңгы пәрдәсен язу мизгеле. 1909. Казан. Төп нөсхә паспарту белән. ЯһММУ

20а. Оборот с надписью на татарском языке арабской графикой: «1909. «Яшьләр»нең ахыр пәрдәсен язган вакыт» («1909. Во время завершения последнего действия пьесы «Яшьләр» («Молодежь»)). ЦПИМН

Икенче ягында автограф татар телендә гарәп графикасында: «1909. «Яшьләр»нең ахыр пәрдәсен язган вакыт». ЯһММУ

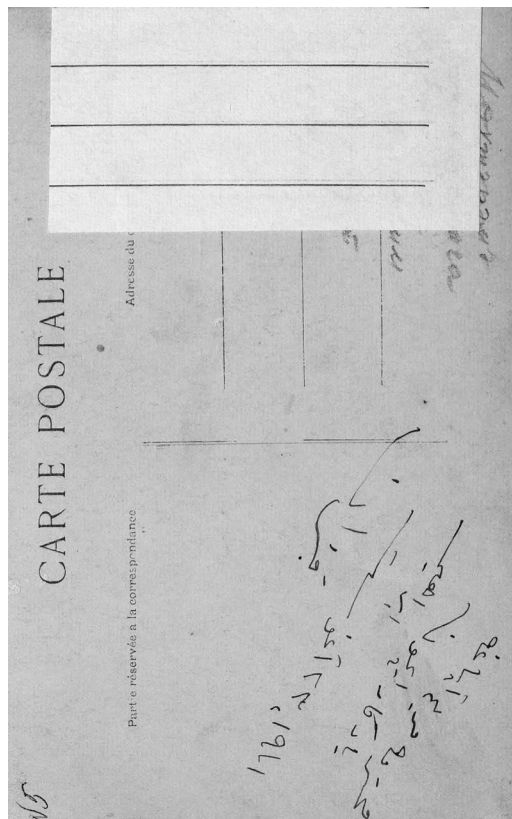

21. Фотографии Ф. Амирхана в момент прогулки на лошади в районе Дальнего Кабана. Казань. 1909, сентябрь. Подлинник фотографии с паспарту. (2 экз.). На одной из фотографий приклеена записка с комментариями к изображенному Вафы Бахтиярова от 1 июля 1944 г. ЦПМН Ерак Кабан янында Ф. Әмирханның атта йөрү мизгелләре. Казан. 1909 елның сентябре. Төп нөсхә паспарту белән (2 данә). Берсенә Вафа Бәхтияровның 1944 елның 1 июлендә аңлатма язуы ябыштырылган. ЯһММУ

22. Ибрагим Амирханов в Бейруте на учебе. Почтовая карточка. Бейрут. 1911. ЦПМН

Ибраһим Әмирханов Бейруттә укуда. Почта карточкасы. Бейрут. 1911. ЯһММУ

22а. На обороте надпись на татарском языке арабской графикой. ЦПМН

Арткы ягында татар телендә гарәп графикасында язучы. ЯһММУ

فاتح اميرخان
Ф а т и ḥ ъ А м и р х а н ъ.
 Собственность издат. „Гасрѣ!“

23. Фотография Ф. Амирхана. Почтовая карточка с напечатанным автографом Ф. Амирхана за 26 июля 1912. Казань. Фотограф И.М. Якобсон. Изображение является частью фотосерии, в которой были сделаны известные снимки Г. Тукая 26 июля 1912. ЦПИМН

Ф. Әмирхан. Почта карточкасы. Татар телендә гарәп графикасында басма автограф белән: «Әхмәдгәрәй Хәсәни әфәндегә. 26.VII.1912» Казан. Фотографы — И.М.Якобсон. Г. Тукайның 1912 елның 26 июлендә төшерелгән фотолары сериясенә бер өлеше булып тора. ЯһММУ

شاعر مشهور عبد الله طوقايف.

24. Г. Тукай и Ф. Амирхан.
Казань. 1912, 26 июля.
Фотограф И.М. Якобсон.
Подлинник фотографии.
ЦПМН

Г. Тукай һәм Ф. Әмирхан.
Казан. 1912, 26 июль. Фо-
тографы – И.М. Якобсон.
Төп нөсхә. ЯһММУ

24а. Г.Тукай и Ф.Амирхан. Ка-
зань. 1912, 26 июля. Фотограф
И.М. Якобсон. Фотокопия оригина-
ла с паспарту. ЦПМН

Г. Тукай һәм Ф. Әмирхан. Ка-
зан. 1912, 26 июль. Фотографы
– И.М. Якобсон. Паспартулы төп
нөсхәдән фотокопия. ЯһММУ

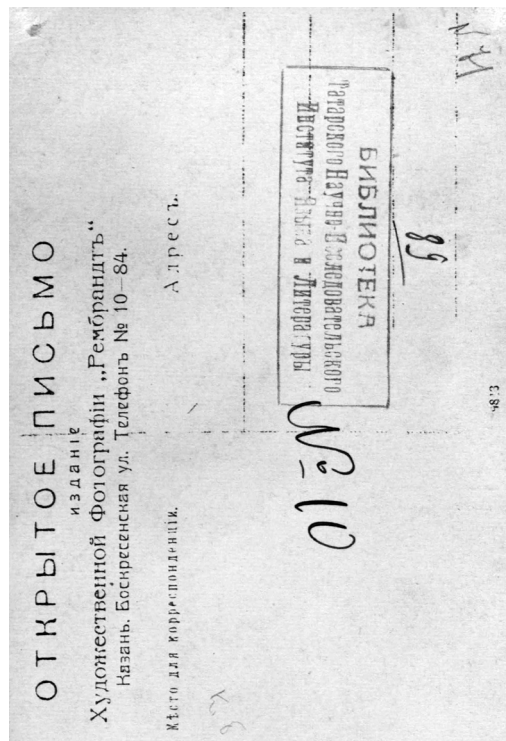

25. Групповая фотография. В первом ряду сидит слева Г. Тукай, рядом Ф. Амирхан, стоят во втором ряду – Г. и К. Кулахметовы. Казань. 1912. Оригинал. Сохранившийся фрагмент фотографии. Фотограф И.М.Якобсон (?). ЦПМН
Күмәк фотография. Беренче рәттә сулда утырган – Г. Тукай, янәшәсендә Ф. Әмирхан, икенче рәттә басканнар: Г. һәм К. Коләхмәтовлар. Казан. 1912. Төп нөсхә. Фотоның сакланган фрагменты. Фотографы – И.М. Якобсон (?). ЯһММУ

26. Фотография Ф. Амирхана. Открытое письмо. Казань. 1915. На лицевой стороне надпись «1915». ЦПМН

Ф. Әмирхан фотосы. Ачык хат. Казан. 1915. Алгы ягында язү: «1915». ЯһММУ

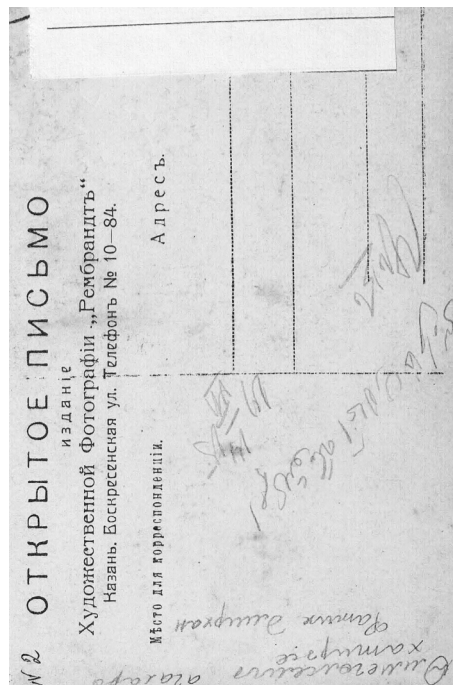
26а. На обороте открытки печатная надпись «Открытое письмо Издание Художественной Фотографии «Рембрандт». Казань. Воскресенская ул. Телефон № 10 – 84». ЦПМН

Открыткиның арткы ягында: «Открытое письмо Издание Художественной Фотографии «Рембрандт». ЯһММУ

27. Фатих и Ибрагим Амирхановы. Открытое письмо. Казань. 1915, 14 июля. ЦПИМН

Фатих һәм Ибраһим Әмирхановлар. Ачык хат. Казан. 1915, 14 июль. ЯһММУ

27а. На обороте открытки печатная надпись «Открытое письмо Издание Художественной Фотографии «Рембрандт». Казань. Воскресенская ул. Телефон № 10 – 84». Автограф на татарском языке на кириллице: «Өммегөлсемгә агалары хатирәсе. Фатих Әмирхан» («Уммугульсум на память от братьев. Фатих Амирхан»). Автограф с датой на татарском языке арабской графикой. ЦПИМН Открыткиның арткы ягында язу: «Открытое письмо Издание Художественной Фотографии «Рембрандт». Казань. Воскресенская ул. Телефон № 10 – 84»; татар телендә кирил хәрәфләре белән автограф: «Өммегөлсемгә агалары хатирәсе. Фатих Әмирхан»; гарәп графикасында: «??? 14.VII.1915». ЯһММУ

28. Фотография Фатиха Амирхана. Казань. 1915, май. Подлинник фотографии с паспорту «Cabinet-portrait». Архив Р.У. Амирханова

Ф. Әмирхан. Казан. 1915, май. Төп нөсхә, «Cabinet-portrait» паспортуда. Р.Г. Әмирханов архив

28а. На обороте паспорту рисунок с надписью «Художественная фотография» и автограф на татарском языке арабским шрифтом «Сөөкле борадәрләргә – гомернең йөрәк фажигасе менәсәбәте белән хатирә. Фатих Әмирхан. 20.VI.1917» («Любимым братьям в память о сердечной ране. Фатих Амирхан. 20.VI.1917»). Частный архив

Паспортуның арткы ягында «Художественная фотография» язуы белән рәсем һәм татар телендә кирилл графикасында автограф: «Сөөкле борадәрләргә – гомернең йөрәк фажигасе менәсәбәте белән хатирә. Фатих Әмирхан. 20.VI.1917»

28б. Фотография Ф. Амирхана. Открытое письмо. Казань. 1915, май. На лицевой стороне фотографии автограф Ф. Амирхана «1915». Национальный музей РТ

Ф. Әмирхан. Ачык хат. Казан. 1915, май. Алгы ягында Ф. Әмирханның автографы: «1915». ТР Милли музейе

28в. Фотография Ф. Амирхана. Открытое письмо. Казань. 1915, май. На лицевой стороне фотографии автограф Ф. Амирхана: «...гә 1915 нче сәнә хатирәсе. Фатих Әмирхан» («... в память о 1915 г. Фатих Амирхан»). 1915». ЦПМН

Ф. Әмирхан. Ачык хат. Казан. 1915, май. Алгы ягында татар телендә гаарәп графикасында Ф. Әмирхан автографы: «[...]гә 1915 нче сәнә хатирәсе. Фатих Әмирхан». ЯһММУ

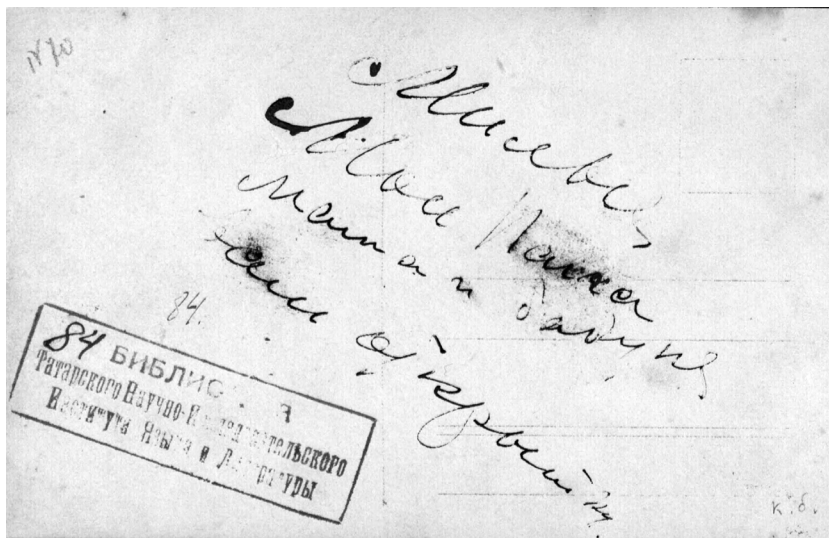
29. Групповая фотография. Слева направо: Ф. Амирхан (в лодке); Кабир Бакир (на берегу); Рауза Аитова (жена И. Аитова). 1913, июнь. Казань. Дальний Кабан. Подлинник фотографии. На лицевой стороне фотографии автограф. ЦПИМН

Күмәк фотография. Сулдан уңга: Ф. Әмирхан (көймәдә), Кәбир Бәкер (яр буенда), Рауза Аитова (Исмәгыйль Аитов хатыны). 1913, июнь. Казань, Ерак Кабан. Төп нөсхә. Фотоның алгы ягында татар телендә гарәп графикасында автограф: «1913 сәнә». ЯһММУ

29a. На обороте надпись на русском языке: «Милые мои мама, папа и бабуля вам открытка». ЦПИМН

Фотоның арткы ягында рус телендә автограф: «Милые мои мама, папа и бабуля вам открытка». ЯһММУ

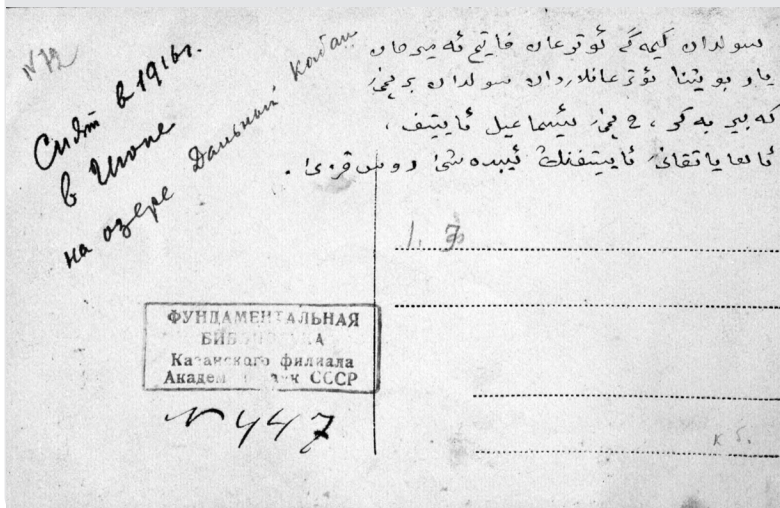

30. Групповая фотография. Слева направо: Ф. Амирхан (в лодке); Кабир Бакир (на берегу реки); Рауза Аитова (жена И. Аитова), за ней Исмагил Аитов. 1913, июнь. Казань. Дальний Кабан. Подлинник фотографии. ЦПиМН

Күмәк фотография. Сулдан уңга: Ф. Әмирхан, (көймәдә), Кәбир Бәкер (яр буенда), Рауза Аитова (И. Аитов хатыны), Исмагыйль Аитов. 1913, июнь. Казан. Ерак Кабан. Төп нөсхә. ЯһММУ

30а. На обороте надписи на русском языке: «Снят в 1916 в июне на озере Дальний Кабан», на татарском языке арабской графикой «Сулдан көймәгә утырганнар Фатих Әмирхан, яр буена утырганлардан сулдан беренче Кәбир Бәкер, икенче Исмагыйль Аитов, алга ятканы Исмагыйльнең иптәше, дус кызы» («Слева в лодке Фатих Амирхан, на берегу первый слева Кабир Бакир, второй Исмагил Аитов, впереди лежит подруга Исмагила»). ЦПиМН

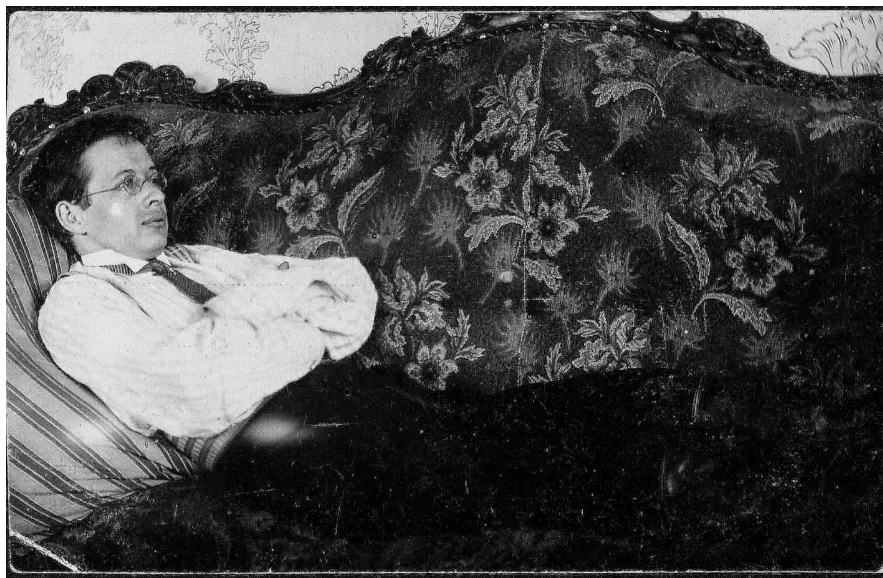

Арткы ягында рус телендә язду: «Снят в 1916 в июне на озере Дальний Кабан», татар телендә гарәп графикасында автограф: «Сулдан көймәгә утырганнар Фатих Әмирхан, яр буена утырганлардан сулдан беренче Кәбир Бәкер, икенче Исмагыйль Аитов, алга ятканы Исмагыйльнең иптәше, дус кызы». ЯһММУ

31, 32, 33. Фрагменты постановки пьесы Ф. Амирхана «Тигезсезләр» («Неравные») на сцене Татарского драматического театра. Художник-постановщик С. Яхшибаев. Подлинник фотографии. Казань. 1915 г. ЦПМН
 Ф. Әмирханның «Тигезсезләр» пьесасының Татар драма театры сәхнәсендә куелышыннан күренешләр. Рәссам-куячы – С. Яхшыбаев. Төп нөсхә. Казан. 1915. ЯһММУ

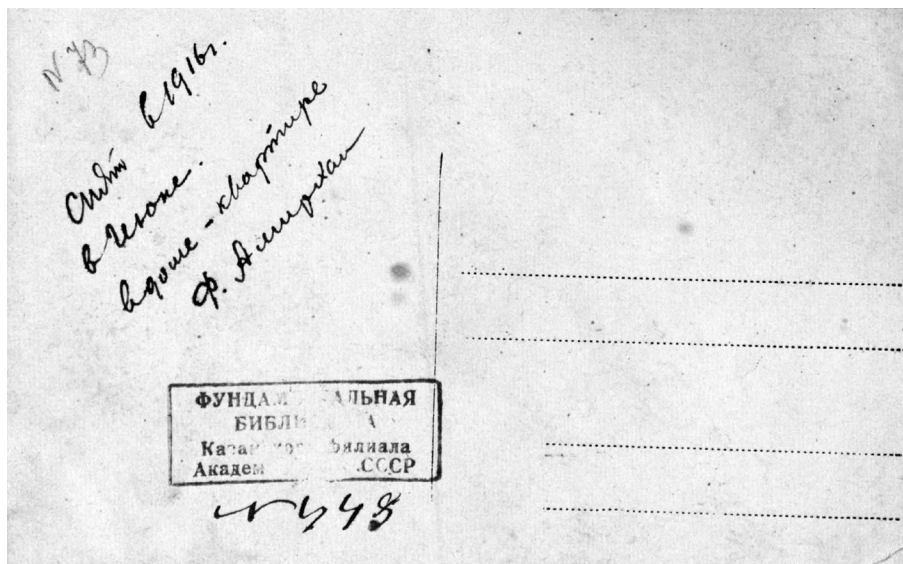

34. Фотография Ф. Амирхана. Снят в своей квартире. Подлинник фотографии. Казань. 1916, июнь. ЦПИМН

Ф. Әмирхан үз фатирында. Төп нөсхә. Казан. 1916, июнь. ЯһММУ

34а. На обороте фотографии надпись на русском языке: «Снят в 1916 г. В июне. В доме-квартире Ф. Амирхан». ЦПИМН

Арткы ягында рус телендә автограф: «Снят в 1916 г. В июне. В доме-квартире Ф.Амирхан». ЯһММУ

35. Групповая фотография. Слева направо: Ибрагим Амирханов, Гумер Амирханов, жена Ибрагима – Нафиса, Зейнаб Амирханова. Казань. Вторая половина 1910-х гг. Подлинник фотографии. ЦПИМН

Күмәк фотография. Сулдан уңга: Ибраһим Әмирханов, Гомәр Әмирханов, Ибраһимның тормыш иптәше – Нәфисә, Зәйнәп Әмирханова. Казан. 1910 елларның икенче яртысы. Төп нөсхә. ЯһММ

36. Редакция газеты «Кызыл Армия». 1921. 25 марта. Сидят справа налево: Фатих Амирхан, Бари Рахмат, Фатхи Бурнаш, Шариф Байчура, Садри Джалал, Габдрахман Байбиков. Стоят справа налево: Сафа Хафизов, Хабибуллин, Газиз Борнашев, Габдулла Харис, Гали Борнашев, Нур Сайфи, Мохаметша Вахитов. Подлинник фотографии. ЦПИМН

«Кызыл Армия» газетасы редакциясе. 1921, 25 март. Уңнан сулга утырганнар: Фатих Әмирхан, Бари Рәхмәт, Фәтхи Бурнаш, Шәриф Байчура, Садри Жәләл, Габдрахман Байбиков. Уңнан сулга басканнар: Сафа Хафизов, Хәбибуллин, Газиз Борнашев, Габдулла Харис, Гали Борнашев, Нур Сәйфи, Мөхәммәтша Вахитов. Төп нөсхә. ЯһММУ

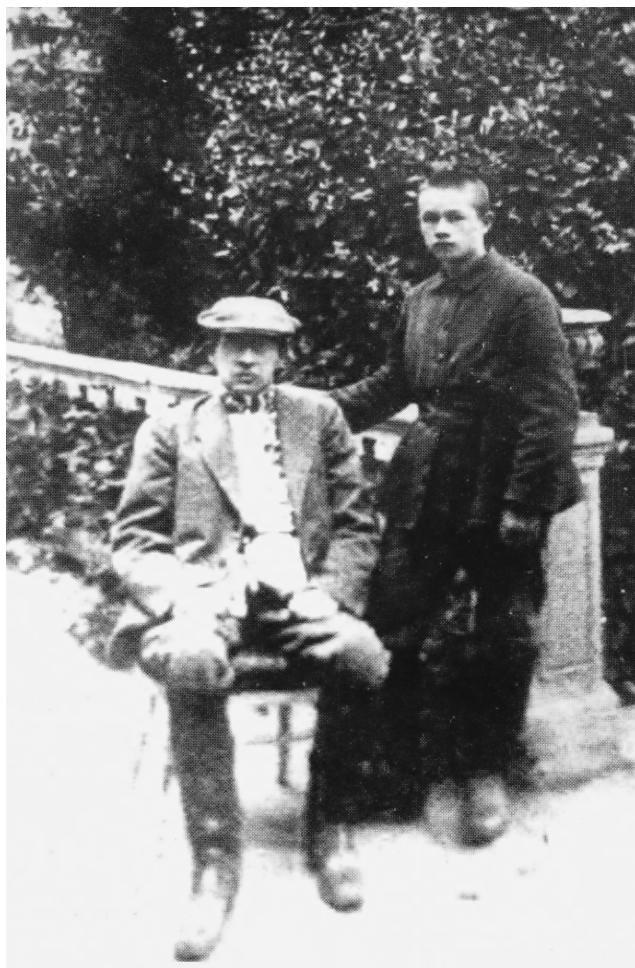
37. Ибрагим Амирханов на дипломатической службе с коллегами. Почтовая карточка. 1925. ЦПМН

Ибраһим Әмирханов дипломатик хезмәттә хезмәттәшләре белән. Почта карточкасы. 1925. ЯһММУ

«Хиёме аمارت» ۱۹۲۵
 راز و خفا (مردم سودا که مخفی می باشد)
 بونه سینغ جبهه دان اورد باریق شیکلی
 حکمت در ره سدرن جبهه روح (کاینجا اوردن
 اینکلوچا = ایوب) بولاریه فائده اوزا دور
 «ایف» لار، لاکیه مباره ده جبهه ده الحاقی
 سو بونو سفت، برله برده فایده له نوب بولمی
 دییر لایق، ستول آهناق موشانه نه ووه زه لار
 دانه قاجوب، پوسوب قاری نورغان عرب،
 یارح لایق یارح قارا، فایونندری برله قاستی
 سیکل نوب کوز قسرتوب مانا ستولار نه
 هیاسنج آهناغانده، نه بیعی آندی «فوکس»
 کرو دلار، یه تن جیلپه زه کیدر که کیلو سسه ده
 آغاق شیکلی سالیدنی کیتیلر آندی اشلر
 برله چواله آله، سینکده سه لامنف قارش
 آکیلر و د اسملی فالادوی چیل قیلغ (اوزی
 فالادوی بولسه ده ۲ خانوی بار) کاراچ بریت
 یازاغه براسیت ایدی، قه بول ایوب آد، میشان
 شمشیر، عانیه کرکه سوله مدح

37a. На обороте почтовой карточки письмо, написанное на татарском языке арабским шрифтом. ЦПМН

Артык ягында татар телендә гарәп хәрефләре белән хат язылган. ЯһММУ

38. Фатих Амирхан с сыном сестры Сагадат Закарией в Ялте (Крым) в санатории «Гастрия». 1925. Фотокопия
Фатих Әмирхан апасы Сәғадәтнең улы Зәкәрия белән Ялтада (Кырым) «Гастрия» санаториясендә. 1925. Фотокопия

39. Ибрагим и Нафиса Ибрагимовы. Почтовая карточка. На дипломатической службе за границей. 1924–1926-е гг. ЦПМН

Ибраһим һәм Нәфисә Ибраһимовлар. Почта карточкасы. Чит илдә дипломатик хезмәттә. 1924–1926 еллар. ЯһММУ

40. Ибрагим и Нафиса Ибрагимовы. Почтовая карточка. На дипломатической службе за границей. 1924–1926-е гг. ЦПиМН

Ибраһим һәм Нәфисә Ибраһимовлар. Почта карточкасы. Чит илдә дипломатик хезмәттә. 1924–1926 еллар. ЯһММУ

41. Ибрагим и Нафиса Ибрагимовы. Почтовая карточка. На дипломатической службе за границей. 1924–1926-е гг. ЦПиМН

Ибраһим һәм Нәфисә Ибраһимовлар. Почта карточкасы. Чит илдә дипломатик хезмәттә. 1924–1926 еллар. ЯһММУ

42. Дом на углу ул. Жуковского, 12, где в 1923–1926 гг. проживал Ф. Амирхан и 9 марта 1926 г. умер. Фотокопия с пояснительной запиской Вафы Бахтиярова. ЦПимН

Ф. Әмирхан 1923–1926 елларда яшәгән һәм соңгы сулышын алган йорт. Жуковский урамы почмагында 12 нче йорт. Фотокопия Вафа Бәхтияровның аңлатма язуы белән. ЯһММУ

43. Близкие родственники у тела покойного Фатиха Амирхана. Слева направо: Фатыма Апакова, Разия Амирханова, Габдулла Амирханов, Гумер Амирханов, Газиза Яушева (мать Нафисы, жены Ибрагима Амирханова), Махмут Амирханов, Габдулхамит Апаков, Закария Амирханов. 1926, 9 марта. Подлинник фотографии. Национальный музей РТ

Ф. Әмирханның жәсәде янында якын туганнары. Сулдан уңга: Фатыйма Апакова, Разия Әмирханова, Габдулла Әмирханов, Гомәр Әмирханов, Газизә Яушева (Ибраһима Әмирхановның тормыш иптәше Нәфисәнең әнисе), Мәхмүт Әмирханов, Габделхәмит Апаков, Зәкәрия Әмирханов. 1926, 9 март. Төп нөсхә. ТР Милли музейе

44. Похороны Фатиха Амирхана 12 марта 1926 г. на Новотатарском кладбище. Фотокопия. Архив Р.У. Амирханова

Ф. Әмирханны җирләү. 1926, 12 март. Яңа Татар бистәсе зираты. Фотокопия. Р.Г. Әмирханов архивы

(باشى ئۈچىنچى بېتىدە).
 خانى، قىمانتويى | دۇر كىرەك فېكى

[illegible][illegible]

يوني، لاكين تلك حركات، مؤثرات،
مبتكرات، علم، عبادات، عيشة،
كذلك نفس، لونه، نكهة، نكهة،

[illegible]

توقون شۇ ئارزۇغا قانداقلاپ يۈزلىنىسىز، بىز
قايىدىنىڭ ئۈن ئىچىدا ئىشلىمايمىز.
كۆپىنچە بۇ ئۆزىڭ ئىشلىغۇلىرىڭنى جەپپاڭ
بىلەن...

[illegible][illegible]

لوڤني ششرووي، نهكړونوالو،
مهريو منځ ټاټوبه،
جمال د پليدې.

۲۵) با این بیان فراموشی را با تالیفیه بیاورند
و منسوب ثوری را به کمال مایه بیاورند
از او که گوییم و اولی تالیفیه می باشد
در آنجا که میگویند: «منسوب ثوری»
عندهم در هیچ وجه منسوب نیست - که از هر دو
فراموشی فراموشان - و یکی از هر دو
با این بیان است که: «منسوب ثوری»

ھىكىمەت ۱926 ئىلى، مەلىكە يازغاندا نەپارالانغا
ئۆتۈش، ئەلداردا ئويۇق كۆلچۈز ئايرۇرۇي بارلىقىنى
مەلۇم بولغان ئىدى. شۇنداقلا، مەلىكە

[illegible]

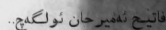
ئوبىكەلەرنى ئۆزەپ، ئۆزى ئاۋازىدا ھالەتتە بولۇپ، ئۇ ئالماقچى بولۇپ قېلىندى. شۇ يىلى (1925) ئېلىمىزنىڭ 18 يېشىدا ئۆلدى.

[illegible]

دعوى الانعان دفعه بده فاعن سلامكنا نولمده
 ثوبيد بيك روز بيلدى مالى
 شوندا ثوبى نازار يسي فونقونى موز مازالا
 رندا نهويث فوب عاجوم يلما نازمته باش
 ليلال كونه لزن عرواقت عطفوت تيماش

[illegible]

دوگذازد باقوتی، باغانی و جوگر چاقوری،
دب تفتانید، بیدلر، دمه، کوه، دهنه،
نیغول و نیغول، کهنه کوب، کهنه کوب
بزه، شمشیر کهنه کوب، حاتین و کهنه کوب
شوک، لار و لار، امان، تعصیب، تعصیب
توقا، فانیق، وقت، وانت، هان، نیمبول

«Кызыл Татарстан» газетасының 1926 елгы 12 март саныннан некрологта бирелгән Ф.Әмирхан фотосы. ЯһММУ. 16 ф. 2 рд. 47 эш.

48. Фотография надмогильного памятника Ф. Амирхана на Новотатарском кладбище в г. Казани. Снимок 16 июня 1946 года. На обороте фотографии надпись на татарском языке: «Казанда яңа бистә зиратында язучы Фатих Әмирханга куелган таш. 1946 ел 16/VI алынган рәсем». Подлинник фотографии. ЦПМН

Ф. Әмирханның каберташы. Казан, Яңа Таттар бистәсе зираты. 1946 елның 16 июнендә төшерелгән фото. Фотоньң арткы ягында язу: «Казанда Яңа бистә зиратында язучы Фатих Әмирханга куелган таш. 1946 ел 16/VI алынган рәсем». Төп нәсхә. ЯһММУ

49. Фотография надмогильного памятника Ф. Амирхана на Новотатарском кладбище в г. Казани. Пояснительная записка В. Бахтиярова. ЦПМН

Казанда Яңа Таттар бистәсе зиратында Ф. Әмирханның каберташы. Вафа Бәхтияровның аңлатма язуы белән. ЯһММУ

Әмирхан фотографияларда

Татар мөселманнар даирәсенәң көндәлек тормышында фотография XX ғасыр башында ғына киң кулланыла башлай, бер яктан, ул дәүләти, рәсми кәгазьләренә бизәү өчен (бу аеруча дини дәрәжәле затларга кагыла), икенчедән, аксәяк затларның жәмәгәтчелек йогынтысына бирелүе белән аңлатыла, ул чорда белемгә ия һәм алдынгы карашлы булу өчен рус һәм Европа мәдәниятенә ияру модада була. Фотографиялар басма хезмәтләрдә – китапларда, журналларда, газеталарда күренә башлай.

Фатих Әмирханның фототарихы бик үк яхшы мәгълүм түгел, гәрчә яшь язучы 1900–1910 елларда иң күп басылган һәм әсәрләре аеруча популярлык яулап өлгергән булса да. Фотографияларда язучының гаилә бәйләнешләре һәм дуслары, шәхси тормышы, бик аз ғына аның ижтимагый һәм сәяси эшчәнлегендәге кайбер мизгелләр мәңгеләштерелгән. Әдәби эшчәнлегә аны иң абруйлы һәм популяр язучылар сафына күтәрә, бу аның үзенчәлекле репрезентатив характердагы рәсми портретларында да чагылыш таба. Фатих Әмирхан милли мәдәниятне дөньякүләм дәрәжәгә якынайтуның актив көрәшчесе буларак, аның фотографияләренәң кайберләрен язучыларны тасвирлауда Европа һәм рус традицияләренәң (мәсәлән, “Чехов” стилиндәге фотопортрет, котелоклы (түгәрәк түбәле каты эшләп) портрет) гомум фарватерында күрергә мөмкин. Милли киём элементларына ия, кәләпүш кигән хәлдә төшкән фотоларында исә ул милли менталитетны чагылдыра.

Әдипнең фотографияләре аның 1904 елдан башлап, 1916–1917 еллар чорындагы гомерен колачлай. Инкыйлабтан соң язучы, матди һәм ижтимагый катлаулылыктар сәбәпле, фотога төшмәгән диярлек, чөнки яңа хакимият тарафыннан да аңа карата мөнәсәбәт каршылыклы була. Ф. Әмирханның соңгы фотографиясе үлгән көнәндә һәм аны күмгән көнне төшерелгән. Г. Тукайныкы кебек үк аны озатуда да меңләгән шәһәр кешесе катнаша. Яраткан язучы белән бәйле мизгелләр мәңгеләштерергә омтылу ул рәсемнәрнең, Г. Тукайныкы шикелле, матбугат битләрендә урын алуына җирлек тудыра.

Ф. Әмирханның күп кенә фотографияләре аның зыялылар затыннан булуын, үз-үзен табигый, жанлы тотышын, эчкерсезлеген тасвирлый, аның активлыгын, мөлаемлылыгын, шул ук вакытта милли даирәдәге житешсезлекләр һәм консерватизмга каршы көрәш алып баруын дәлилли, чөнки аларның күпчелеге, чынлап та, язучының татар җәмәгәтьчелеген үзгәртәргә тырышып йөргән, актив әдәби эшчәнлек алып барган елларында төшереп алынганнар.

Amirhan in photos

Fatih Amirhan was born January 1, 1886 in the Novotatarskaya region of Kazan. He came from an old family of Tatar murzas from the Kazan Khanate, the majority of whose members were clergy. His grandfather and father carried on this tradition, being imams as well. In his family it was always very respected tradition, and children were brought up strictly in accordance to the requirements of the religion. After his maqtaba in 1895 young Fatih continued his studies in the Muhammadiyah madrasa, dreaming of becoming a respectable mullah.

The turning point in his life took place when he was fifteen and met secular books in Turkish and Arabic, most of which included translations of European authors. His desire to leave the madrasa sparked protests in the family and, lacking the proper financial means, he was forced to give up his plan. After remaining in the madrasa for another two years, Fatih lost interest in the subjects which were taught there, and plunged into the study of Russian and European cultures. In 1901 he, together with Rizvan Alushev, organized The Secret Circle Ittihad, aimed at radical reform of the madrasas.

In 1902-1904 Amirhan becomes a prominent figure outside of his madrasa. He was accepted by famous Kazan families (Suleiman Aitov, Wafa Bakhtiyarov, Wali Apanaev,

Gali Ahmadullin), communicated with students of various educational institutions. He befriends Gabdulla Tukay, Rizvan Ibragimov (Alushi) and Ismagil Aitov in these years.

By 1903 Fatih becomes increasingly attracted to political life, which he becomes acquainted with first through his Russian tutor, known social democrat S. Gassara, and later through H. Yamashev. During the first Russian revolution, Fatih abandons the madrasa and immerses his head into Islah, the organization of the All-Russian student movement.

His social and political activity made remaining in with his parents any longer impossible. For a while he lived in private apartments, and in the autumn of 1906, he went to Moscow, where he dipped into secular life. This continued till the summer of 1907, when, returning to Kazan, Fatih falls upon misfortune: he is struck with paralysis of both legs and arms and goes blind in one eye. The sudden illness forced the young man to stay in Kazan, where he actively engaged in journalistic and literary activities. He writes for the newspapers Al-Islah and Koyash. Among the most famous of his works are the story Hayat, the novel At the Crossroad, and the drama Unequals. In his writings, the author spreads light to his contemporaries on the restless and reflecting world of young people that are neither ready nor able to break forever with their people and their foundations, traditions, and faith.

His popularity in the press sparked his persecution. After the 1917 Revolution his works were published less and less. He became constantly sick and his tuberculosis worsened. March 9, 1926 the life of Fatih Amirhana ended. Many city residents came to say their farewells at the Theater Square. He was buried on March, 12th at Novotatarskaya Cemetery close to the graves of his father, uncle and grandfather.

УДК 821.512.145:77
ББК 83.3(2Рос=Тат)-8:85.16
А 95

*Печатается решением Ученого совета
Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ
и Правительства Республики Татарстан
в рамках научного проекта № № 16-46-161059*

Куратор проекта – Л.Ш. Давлетшина

*Партнеры проекта:
Национальный музей Республики Татарстан,
Национально-культурный центр «Казань»*

Ахметова Д.И.

А 95 Фатих Амирхан в фотографиях / Дина Ирековна Ахметова. – Казань: ИЯЛИ, 2016. – 72 с.; илл.

Институт языка, литературы и искусства продолжает серию альбомов, посвященных фотоистории выдающихся татарских деятелей литературы. Первый альбом, подготовленный к 130-летию Габдуллы Тукая, позволил немного приблизиться к визуальной биографии поэта. Второй выпуск посвящен писателю и общественному деятелю Фатиху Амирхану.

Ф. Амирхан был одним из самых печатаемых и популярных молодых писателей начала XX в.. На фотографиях остались запечатлены его семейные и дружеские узы, личная жизнь и, в минимальной степени, общественная и политическая позиция. Основной комплекс фотографий охватывает чуть больше десятилетия – с 1904 по 1916–1917 гг.

К изданию были привлечены фотодокументы из архива Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, фондов Национального музея РТ и личного архива Равиля Усмановича Амирханова.

© Ахметова Д.И., 2016;
© ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 2016

Ахметова Дина Ирековна
ФАТИХ АМИРХАН В ФОТОГРАФИЯХ

Перевод на татарский язык
Я.М. Абдулкадыровой и А.Р. Мубаракшиной

Перевод на английский язык
Д.З. Мардановой

Редактор – *Л.Ш. Давлетшина*
Компьютерная верстка и дизайн обложки
К.В. Кормушина

Подписано в печать 18.11.2016 г.
Формат 84×90 1/16. Гарнитура «Cambria».
Бумага офсетная, печать офсетная
Усл.-печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 2.1. Тираж 300. Заказ 18/11